

ПИСЬМА ВЛАДИМИРА КАЛАЧЁВА ИЗ АРМИИ И С ФРОНТА

(1941 - 1943)

«Письма Владимира Калачёва настолько интересны, значительны по содержанию, по передаче общего настроения тех незабываемых дней, что хотелось бы дать им вторую жизнь на страницах нашей печати»

Леонид Мартынов.

Письмо младшей сестре – Е.С. Калачёвой из Москвы – в вологодскую деревню.

3 февраля 1941 г.

Здравствуй, Лена!

Прости, что долго не писал тебе. Откровенно говоря, нет настроения писать кому-либо. Как-то замкнулся и не хочется проявлять искренность в письмах.

Ты, наверное, скучаешь? Как проводишь время? Есть ли молодёжь? Есть ли близкие люди, с которыми можно поговорить? Читаешь ли что?

Может быть, у тебя много работы? Занимаешься ли заочно?

Если заочно учиться нет времени, то обязательно уделяй время чтению. Книги везде можно достать. Если нет увлекательных книг, то классическую литературу тебе нужно знать. Классики есть в каждой библиотеке. Прочитай русских классиков, прочитай западных. Чтение обогащает человека, его ум, продолжает и углубляет развитие духовное.

Глубокое чтение делает человека более интересным. А потом книга – это всё....1
Ты ходишь в кино, в театр, на лекции, но книга богаче всех этих видов искусства.

И вот в твоём уединении нужно свободное время тратить на чтение. <...>

В твоём возрасте самое главное – это учиться для умственного развития и приобретения профессии. Умственные задатки даруются человеку природой, но тем не менее человек умнеет от работы над собой. Работать над собой нужно всем. Работа над собой заключается в нескольких направлениях:

- 1) приобретение навыков общения с людьми, с внешним миром (здесь – поведение, общение, твои взгляды, твой характер, поступки);
- 2) приобретение внутренней культуры (здесь - твои знания, твоё умственное развитие, твоя глубина ума).

А приобретение профессии - это такая же необходимость, как и развитие умственное. Без профессии немыслимо существование. А чтобы трудиться, нужно иметь профессию. А чем лучше профессия, тем лучше живёт и трудится человек.

Хорошо и весело будешь жить тогда, когда занимаешь своё место в жизни, и наоборот.

Сейчас тебе надо учиться упорно и много. Конечно, очень жаль, что тебе пришлось уйти из института (из-за тяжёлого материального положения – примечание составителя), но нужно приложить усилия и учиться как-то.

Что у тебя нового? С кем переписываешься? Как проводишь время? Больше обо всём пиши. Пиши обо всех. Где мои знакомые девчонки? О них подробней напиши.

О себе особо писать нечего. Хожу в Ленинскую библиотеку, в другие, в кино, на лекции, в театр.

В военную школу не пойду, так как чувствую себя невоенным человеком. Теперь передо мной стоит один вопрос: где работать после армии?!! В начальную школу не хочется идти, так как на такую маленькую зарплату невозможно существовать. Другой профессии я не имею, и придётся попытаться сделать следующее: поступить в институт на заочное отделение и пойти учить в семилетку. Если бы это удалось, то было бы замечательно.

Пиши сразу. Жду.

Володя.

ПИСЬМА В.С. КАЛАЧЁВА СОФИИ СТУБЕДО

(По желанию адресата письма публикуются не полностью)

Письмо от 24 августа 1941 г. Москва.

Милая Соня!

Выбрал время и пишу тебе. Сколько времени я тебя не видел? 28 августа исполняется два года со дня нашего последнего свидания. Жалею о том тихом позднем вечере, жалею не сказал тебе тогда всё, что чувствовал. В этот вечер я совершенно не думал о нашей долгой разлуке. Мне всё казалось, а особенно в последний вечер, что мы прощаемся ненадолго. Тогда я совершенно не думал о том времени, когда буду жалеть так сильно.

Когда я работал в школе, то много внимания уделял, помимо учёбы, воспитанию ребятишек, воспитанию в них хороших человеческих качеств. Это мне удавалось всегда. Дисциплина в моём классе всегда была отличная. Я никогда не наказывал, не кричал. Правда, сердился, но это делал так, чтобы ребятишки не сделали из этого плохой вывод, не показывал, что в человеке есть плохие нечеловеческие качества.

Все без исключения ребятишки любили меня. Я уверен, что они и сейчас хорошо вспоминают обо мне. А в прошлый год из Ульяновской школы (где я работал) мне написали письмо. Написали две девочки и мальчик. В 1938 году им было по 12 лет, а сейчас они уже большие.

В школу работать я пошёл бы. Я уже писал об этом тебе. Тогда бы и заочно можно учиться. Я частенько мечтаю устроиться вблизи города в деревне, или в городе. По тишине я соскучился очень. Прошедшую зиму я написал много стихотворений. И недавно прочитав, увидел, что во многих стихах сказано о тишине. А где можно найти тишину? Там, где чувствуешь себя спокойно, где есть милый близкий человек.

Сегодня был дома. Делал стенгазету. Работы было много. Сам оформляю, сам редактирую, да сам ещё стихотворение придумываю специально для стенгазеты. И так каждый номер выпускаю. Газета пользуется успехом, так как она интересная, живая, действующая, агитирующая. Мои агитки идут на пользу, пользуются успехом.

Сегодня разбирал сохранившиеся письма, разные бумаги. Уничтожил черновики, записи, сжёг письма. Пробежал твои письма, сжалось сердце, письма пахнут твоими духами. Еще раз провёл рукой перед глазами: перед глазами стояла ты, живая, зовущая к себе. Тяжело. Письма вспыхнули, таяли строчки <...>.

Сегодня же сдал в библиотеки разные книги, так как скоро, скоро ... уеду отсюда. Сделал себе хорошую записную книжечку, чтобы в дороге и на фронте записывать то, что придумаю, чтобы можно было написать письмо.

И вот я готов к отъезду. Совсем готов прямо в бой: мужества у меня хватает, хватит ненависти, хватит желания не отдать дешево свою жизнь, хватит любви к своей далёкой Знакомке. Сейчас хочется увидеть тебя. Вот слова сами рвутся, хочется что-то написать, придумать, но спишу дописать – уже темно.

Письмо от 14 декабря 1941 г.

<...>

Коротко о себе. Защищаю Ленинград. Скоро побываю в Ленинграде. Увижу знакомых ... Жаль, что утерял адреса...

Мне, как только выехал из Москвы, доверили почётное дело – охранять очень большого начальника. Приходится и драться … В Октябрьские праздники получил благодарность от командарма.

Недавно трое суток провёл на передовой линии, в траншеях. Пришлось подраться с противником. (У меня прекрасный новый автомат и горячая злоба к врагу). Оказывается, смерть боится меня: расстреливали меня немцы с самолёта, был в схватке на земле, и за трое суток остался невредим. Только шапку прострелили раз.

Хотят мне присвоить звание среднего командира.

Я не бросил мечту заняться литературой. Останусь цел – буду работать в школе, писать и учиться.

<...>

Письмо от 7 января 1942 г. Действующая армия.

<...>

Коротко о себе. Небольшая новость. Красноармейцу Калачёву присвоили звание среднего командира и назначили адъютантом бригадного комиссара. Кроме этого, я вступаю в партию.

Выгляжу теперь по-другому: новое отличное обмундирование. Всё идёт мне.

Я не кончал никаких училищ, а звание среднего командира дали мне за отличную службу в действующей армии. Что ж: “Служу Советскому Союзу!”. Теперь я выгляжу так, как полагается адъютанту большого начальника.

Живу хорошо. Но плохо то, что не пишу стихов. Боюсь, что совсем перестану.

Здесь познакомился с несколькими писателями, журналистами, корреспондентами газет и журналов. Они все хвалят мои стихи и советуют не упускать это хорошее дело.

Скоро очистим путь к Ленинграду, скоро уничтожим врага на нашем участке.

Ты спрашиваешь, что я делаю около 12 часов ночи. Последние полмесяца я в это время бываю в действующих частях и выясняю обстановку, т.е. на переднем крае наношу (на карту) обстановку – где наши, где части противника (Не зря живу, и если паду, то, знай, что при выполнении боевого задания).

<...>

Письмо от 30 января 1942. Действующая армия.

<...> Давно, давно нет от тебя писем. Жду и не дождусь!

Живу фронтовой жизнью. Работы хватает. В последнем письме я тебе писал, что мне присвоили звание среднего командира. Работаю адъютантом бригадного комиссара. Время проходит быстро. Дерёмся за Ленинград. Будет время, когда кольцо вокруг

Ленинграда будет разорвано, и бандиты побегут. Это не так уж долго. Скоро Ленинград будет жить нормальной жизнью.

Еду сейчас в автомашине. Сидя в машине, пишу тебе. Был на передовой линии. Немчуру здесь наши теснят. Истребление немцев принимает большие размеры. Будет время, когда наши войска будут проходить по Германии ... <...>

Письмо от 6 апреля 1942 г. Действующая армия.

<...> У меня новость: позавчера познакомился с ленинградским поэтом Всеволодом Рождественским. Он здесь у нас в армии, километрах в двадцати от меня. Пришёл к нему и попросил, чтобы доложили Рождественскому. Через три минуты он вышел мне навстречу, смотрит мне в глаза и смеётся, и сразу сказал: "Какой хороший парень ..." (Я не понял, почему ему понравился: то ли физиономия моя ему понравилась, то ли хороший костюм и шинель, отлично сидящая на мне?) Затащил меня к себе в угол и после десятиминутной беседы попросил прочесть несколько стихотворений. Я вспотел, жарко стало, растерялся. Легче в бою быть, чем стихи читать хорошему поэту. А главное – ни одного стиха записанного. В эти минуты вспомнил тебя (потому что у тебя есть некоторые мои стихи), и, набравшись храбрости, прочёл первое стихотворение об осени. Рождественский улыбнулся, положил мне руку на плечо и сказал: "Вот это хорошо!" Заставил ещё читать. Прочитал ещё пять стихотворений, т.е. разошёлся во всю. Рождественский похвалил, сделал необходимые замечания. Говорили долго. Когда стали прощаться, лежавший рядом человек поднял голову. Рождественский представил его: "Павел Лукницкий, писатель. Написал "Земля молодости". Лукницкий сказал: "Я лежал и слушал Ваши стихи, они хорошие". Из соседней двери (из-за перегородки) вышел ещё один человек – писатель Дмитрий Щеглов. Прощались тепло. Рождественский просил приезжать к нему, обещал просматривать мои стихи и продолжить знакомство. На днях снова поеду к нему. Жаль, что нет с собою ранее написанных стихов. Ведь часть из них у тебя, часть маме отослал и часть в Москве оставил. Вот если бы всё собрать, то можно было бы сделать выборку и после войны напечатать. Милая Соня! Сохрани мои стихи. Некоторые из них мне пригодятся, если не целиком, то отдельные строчки и образы.

Особых новостей нет. Продвигаемся вперёд понемногу, уничтожаем немца. За хорошую службу мне дали хорошие именные часы. Вручил часы мне генерал.

<...>

(Приладожские леса)

Письмо, написанное в мае 1942 г.

<...> Сейчас тихий весенний вечер. Так же тихо в моей палатке и в большом приладожском лесу. Палатка у меня замечательная: снаружи тонкое брезентовое светлозелёное полотно, внутри голубая байковая отделка. Сделан деревянный сруб в полметра высоты, дощатый пол, на полу брезент. У задней стенки складная походная кровать, на которой хороший легкий ватный тюфяк, две белоснежные простыни, легкое одеяло и воздушная подушка в наволочке белой. Но, к сожалению, на этой прекрасной кровати почти не приходится отдыхать – много работы, круглые сутки на ногах. Под кроватью мой чемодан, в котором летний костюм, хромовые сапоги, чистое бельё, хорошие полотенца, подворотнички, масса платочеков и разные мелочи. У кровати у изголовья стул складной и стол, на котором: телефон, две стопки книг, бумага, конверты, планшет. На стенке полотенце и полевая сумка, в которой, кроме всего, лежат томики Лермонтова и Есенина. Над столом электрическая лампочка. У входа в палатку печка маленькая. А под палаткой течёт маленький быстрый ручеек, который по вечерам своим говорком увлекает меня в воспоминания, напоминает о былом, о друзьях и близких. Об этом милом ручейке я написал стихотворение. <...>

Каждый вечер мои мысли одна за другой летят домой, но потом суровая действительность поворачивает меня к настоящей обстановке, и в сердце поднимается поток ненависти к врагу, и ещё больше отдаёшься своей работе, чтобы свой труд, свою работу всецело потратить на борьбу с врагом.

Недавно я был в одной из своих поездок. С группой товарищей я попал в переделку. Получилась схватка с немцами. Один товарищ и я оказались отрезанными от нашей группы (во время драки не заметили). Когда сошлись в штыки, то я увлёкся за одним немцем и не заметил, как наперерез мне бежали два других фрица. Одного из них уложил наповал мой товарищ, а второй немец, рыжий с горящими волчьими глазами, бежал прямо на меня. В руках винтовка со штыком, подбежал ко мне, замахнулся на меня и остановился, т.е. решил, что находившийся у меня в руках пистолет без патронов. Немец остановился, оскалился, смеётся злорадной улыбкой, очевидно, решил поиздеваться надо мной, а потом приколоть. Стоит, держит винтовку на изготовку и продолжает смеяться, а потом кричит мне: “Всё! Капут!” А я держал указательный палец на спусковом крючке и, конечно, успел бы пристрелить немца, но тоже остановился и без улыбки крикнул: “Всё, так всё!” - и ловким выстрелом в висок уложил немца. В эту минуту у меня была острая ненависть к врагу. А потом я оглянулся и заметил, что фриц был офицером. Ну, что ж, тем лучше! А потом, когда заняли место, я стал умываться из ручейка и заметил, что на шинели три дырки пулей пробило.

Ведь каждый день такой, что в один из них твоего Вовки не станет. Ну и ничего особенного. Я не думаю об этом. Только помни, что я честно умру, не буду трусом. Есть гордость в сознании каждого нашего человека, что его смерть будет небольшой частицей в победе над врагом. Все это я сказал потому, что недавно ранило в голову моего товарища, а через два дня он в госпитале умер. И ты знаешь, как он волновался перед смертью. Он знал, чувствовал, что умрёт, и ему было тяжело оттого, что у него на Родине осталась любимая девушка, которую он любил настоящей любовью и от которой он получал письма. Последние часы он только о ней и говорил. Пока он был в сознании, то говорил, что он не увидит её, что она далеко, и он не может с ней попрощаться, потом на глазах показались слёзы, попросил показать фото любимой. Потом потерял сознание, бредил, звал её и тихо-тихо сказал: “До встречи”. Ещё тише вздохнул и затих.

Во время боя как-то не замечаешь того, что товарищи падают мёртвыми, а когда вот умирает близкий человек, то сердце щемит боль. Но ничего, отомстим за всё!!! О тех, кто падёт в борьбе, следует написать хорошую книгу, чтобы тот, кто утерял близкого человека, мог найти в этой книге ответ на мучивший его вопрос. Это дело будущего.

Письмо от 31 мая 1942 г. Действующая армия.

<...> Сейчас только освободился, чтобы ответить на твоё письмо. В последнее время нет свободных минут, чтобы уединиться и написать письмо. Кроме той работы, что я исполняю, я ещё занимаюсь. Столик в палатке уложил уставами, наставлениями и т.д., т.е. занят теоретической подготовкой, а практика – на переднем плане. Проще сказать, учусь воевать.

Чувствую себя хорошо. Время проходит очень быстро, незаметно. Вот жаль, что письма редко получаю. Последние три дня здесь установилась хорошая погода.

18 часов.

Продолжаю, так как ночью не успел написать.

Сначала хотел о себе написать, но что-то не клеится. Перечитывал твоё письмо, и повеяло чем-то близким, родным ... Ты часто мне снишься. Недавно так было: как будто я встретил тебя в лесу, увидел тебя и бегу навстречу, но между нами густой лесок берёзовый, бегу ещё сильней, но деревья мешают; я ломаю ветки, но их много-много. А ты зовёшь меня к себе. Я ещё делаю попытку пробиться сквозь деревья, но они всё тесней передо мной и тесней ... Чувствую, что трудно бежать, но рвусь вперёд. Потом потерял тебя из виду и закричал в лесу, зову тебя, но ты не откликнулась. В это время я проснулся, вернее, просыпаюсь, вскакиваю и спрашиваю у моего связного: “Где она, где?”. Связной

недоумённо смотрит на меня. А сердце бьётся сильно, сильно. И чтобы успокоиться, я прошёлся по берёзовой поляне. Мы живём в густом смешанном лесу. А моя палатка стоит на краю маленькой полянки, на которой растут молодые берёзки. Часто в свободные минуты я прохожу по этой полянке. По ней никто не ходит, и на ней густая трава, и растут лесные цветы.

Спать ложусь в четыре – пять часов и встаю полдевятого – в десять. Как видишь, не балую себя. А то и совсем не сплю целые сутки. Привык и без труда переношу. Но вот что интересно, я это наблюдал за собою. Иногда очень мало спать приходится дней десять – полмесяца, и я заметно худею на лицо. Иногда работы меньше. Подряд суток пять получше отдохну – сразу же физиономия выглядит свежей, веселей. В последнее время часто езжу на лошади верхом. Мимоходом занимаюсь на самодельном турнике. Читать – не читается. Изредка слушаю музыку. Редко совсем встречаюсь с поэтом Всеволодом Рождественским. Он подарил мне свою книгу. Замечательный человек! Он живёт в сосновом лесу, а я в берёзовом. И по этому поводу я придумал оригинальное шуточное стихотвореньице. Долго мы оба смеялись над этим. После каждой встречи с ним на душе легче и веселей.

<...>

Письмо от 1 июня 1942 г. Действующая армия.

<...> Особых новостей у меня нет. Недавно в одной из поездок на передний край произошёл смешной случай. Группа командиров сопровождала моего начальника. Стали переезжать на плохой лодке через реку. Противник заметил и покрыл нас из миномётов. Разрывы были очень близко от лодки. Кто-то из командиров покачнул лодку, и лодка, почерпнув воды, стала оседать заметно. До берега далеко ещё ... В лодке были документы... Их нужно было срочно доставить ... Лодка погружалась медленно, оседала ... Потребовалось одному из нас остаться в лодке, а остальным плыть. Я скомандовал вынуть документы из карманов и прыгать в воду. И сам из левого кармана гимнастёрки, вытаскивая содержимое, уронил в воду твой платок, который ты послала мне в письме ещё в Москву. Сразу же прыгаю в воду и догоняю платок, который понесло по течению. Все смеются над моей погоней за платком. Всё же догнал.

Все доплыли, одного ранило. А платок я высушил и сам выгладил и надушил духами.

И положил в кармашек, поближе к сердцу.

<...>

Письмо от 14 июня 1942 г. Действующая армия.

<...> Сейчас вечер. Пол-одиннадцатого. Я один в своей палатке ... Вчера и сегодня неважко себя чувствовал, чуть не заболел, но устоял. А получилось так. Поехал в одну из дивизий на передний край организовать разведку в тыл противника. Всё хорошо, но поехал, не взяв шинель, так как день был тёплый, хороший. А к вечеру хватил холодный дождь с ветром (погода здесь плохая стоит), я в мокрой гимнастёрке проходил всю ночь. Утром сразу заснул (устал сильно). Встал в час дня. Опять работа днём. А вечером пошёл на задание.

Противник редким огнём бил по дороге, но проехали хорошо. Потом коней оставили и пешком шли много километров по болоту ... В этом пути были трудности ... Вдобавок, опять дождь холодный ... И стемнело на редкость сильно. Темнота нам помогла ... В это время противник обрушился на нас миномётами. Я приказал рассыпаться (это, конечно, не военное слово). Сорок пять минут пришлось пролежать в холодной болотной воде ... Потом снова действовать ... Задание было выполнено. Но на другой день я себя неважко почувствовал. Всё прошло, не заболел.

В то время, когда я лежал в болоте под обстрелом, осколком снаряда одному бойцу ранило ногу. Он – молодой боец, очевидно, не смог скрыть боль. Получилась смешная история. Этот раненый парень, казах по национальности, когда его ранило, во всё горло заорал: “Ой, синатар, синатар, синатар!!!”, то есть санитар ... Я побежал на крик и заставил замолчать его. Он мог своим криком всё дело испортить. Находившиеся с нами бойцы, услышав странное слово “синатар”, захохотали, и пришлось просить их перестать, хотя я и сам смеялся, настолько смешно он произносил “синатар”. И слово это в той части, откуда творец этого слова, стало употребляться вместо слова “санитар”. А санитары выполняют большую благородную работу.

Начало двенадцатого ... Метров за шестьсот от меня слышен концерт. Приехали хорошие артисты. Но я не пошёл туда. Мне и так хорошо, когда сегодня получил твоё замечательное письмо. Вот и стараюсь сразу ответить.

Сейчас мой взгляд упал на букет ландышей, которые стоят у меня на столе. Вот вырываю оттуда две веточки и кладу в письмо – ты храни их! Жаль, что они дорогой увянут.

Отдыхаю душой, когда беседую с поэтом Всеволодом Рождественским. Замечательный человек. Он очень много работает в газете и по политической линии. Хвалил мои стихи. <...>

Письмо от 15 июня 1942 г. Вечером. Действующая армия.

<...> Пишу письма, бегло прочту и думаю, что мои письма мирного характера, но если поглубже подумать, то часто ведь среди тихих строк промелькнёт и уверенность в победу, привязанность к родному краю, и затаённая, глухая ненависть к врагу, даже больше презрение!!!

Один наш красноармеец после рукопашного боя подошёл к речке и смотрит на руки свои. Я спросил: “Что рассматриваешь?” Красноармеец ответил: “Да вот, понимаешь, пришлось с двумя разделаться: одного уложил последней пулей, а другого прикладом ударили, он хоть упал, но не сдох сразу, так вот от злости руками за глотку давил его … Так всех передавим …” Потом добавил: “Вот, видишь, смываю кровь, а то зараза ещё какая пристанет”.

Надо правду сказать – наши бойцы и командиры настолько озлоблены, что эту злость ни с чем нельзя сравнить. А вот великодушия много, даже иногда бывает излишнее. Вот, например, к пленным немцам наши относятся хорошо: и накормят, и в тёплой землянке положат спать, не так, как они издеваются над нашими. Но если уж попадёт в плен, да и тогда сволочью держится, тогда разговор короткий … Но никаких издевательств. Сколько великодушия и благородства по отношению к противнику в сердцах наших воинов, и сколько презрения, ненависти во время боя.

Я тебе расскажу такую историю. Во время рукопашного боя я рассмеялся. Кажется, там некогда было смеяться, но рассмеялся потому, что чувствовал себя спокойно и услышал, как один сержант наш заскрипел зубами и выругался на немцев, отбиваясь штыком от трёх фрицев. Всё было ничего, но когда я бросился ему на выручку, он смешно выругался, но когда увидел, что это я пришёл ему на помощь, то весело подмигнул мне и снова стал ругаться. А вся ругань состояла в двух словах: “Сволота паршивая!” И пока шла схватка, он раз тридцать повторил эти два слова. Так смешно произносил.

Письмо от 16 июня 1942 г. Днём. Действующая армия.

... Поговорим, ты, может быть, одна? ...

(Вспомни, из какого моего стихотворения?)

<...> В одном из последних твоих писем я встретил такую фразу: “… Я мало живу будущим и больше живу прошедшим”. Когда прочитал эти слова, то сразу же у меня родился вопрос: “Почему же здесь не сказано о настоящем?” И сам себе стал искать ответ … Ты права, не сказав о настоящем. А я в противоположность тебе сейчас живу будущим, и уже значительно меньше живу прошедшим. На это есть основательные причины. Первая причина – это сознание, что юность прошла, о ней осталась светлая память и милые

воспоминания. Мы теперь взрослые люди и находимся в таком возрасте, когда ждём от близкого грядущего-будущего что-то радостное и хорошее.

Вторая причина – не думать о будущем, значит не любить жизнь, а здесь жизнь становится более веской и определённой, осмысленной. Один маленький пример приведу, когда у меня был критический момент.

Здесь есть один молодой лейтенант, который часто беседует со мной. Я однажды сказал, что “И жизнь хороша, и жить хорошо” (Из Маяковского). Он спорит со мной по этому поводу. И вот однажды я и этот лейтенант попали под миномётный обстрел (щли у моста, по которому били). Спокойно заняли воронки из-под снарядов (вырытые снарядами). А разрывы ложатся вокруг нас, засыпает землёй, мелкие горячие осколки летят. И вот в этот сумасшедший момент я спрашиваю лейтенанта: “Кричи, что жизнь хороша и жить хорошо . . .”. А головы нельзя поднять, лупят близко. И вдруг слышу: “Жить хорошо!” Находившиеся близко невольно поднимают голову – уж парень не с ума ли сошёл?... После я спрашиваю у лейтенанта: “Отказываешься от своего мнения?” – “Конечно!” <...>

Письмо от 27 июня 1942 г. Действующая армия.

С добрым утром! Третий день такой замечательный. Весь день ясно, солнце и даже излишне тепло. Но эта теплота скрадывается густыми лесами, их свежестью. Кажется, погода установилась. <...>

Сейчас пол-одиннадцатого утра. Я только что встал (лёг в шесть), прибрал всё в своём жилище, разобрал почту (от тебя давно нет писем, забыла видно) и решил написать.

Посылаю тебе два полевых цветка. Жаль, что они высохнут, пока письмо идёт ...
Они были голубые и росли на берегу речки.

Особых изменений в моей жизни нет. Правда, недавно вот что получилось. Тот платочек, который ты мне прислала в письме в Москву, недавно пробила пуля противника. Твой подарок я ношу в левом кармане гимнастёрки (твоим платком закрыто сердце). В одну из поездок на передовой край пришлось вдоль передовой линии преодолеть чистую высоту, которую противник всё время держал под обстрелом. Если идти в рост и шагом (хотя бы и бегом), то могут быстро подбить, снять снайперá.. Если делать обход, то потратишь полтора часа лишних. Я предложил эту высоту (в двести метров) преодолеть на конях. Предложение принято. Нас девять человек. По два, по три галопом рванулись вперёд. Я ехал первым. Вдруг почувствовал, что моя лошадь, мчась на полном скаку, вздрогнула. Я, конечно, сразу догадался, что её чем-то задело, но, не останавливаясь, доскакал до низины за высотой. Через две-три минуты все подъехали. Я

уже возился у моей раненой лошади. Пуля вскользь задела ей холку. А когда спрыгнул с лошади, то почувствовал, что у меня на груди какая-то неестественная сырость, и что-то очень жжёт... Расстегнул рубашку и увидел, что чуть повыше сердца маленькая царапина, из которой выступила кровь... Ничего особенного, санитар что-то поколдовал и для виду перевязал... А когда я стал рассматривать, где прошла пуля, то оказалось, что всё, что находилось в левом кармане было пробито пулей. А твой платок задело с краю... Ну это пустяки...

Чувствую себя хорошо. Ничего не читаю (кроме газет, журналов и, не считая того, что занимаюсь: уставы, наставления и всякий программно-учебный материал, поучиться думаю!).

Письмо от 29 июня 1942 г. Действующая армия.

<...> Сейчас только вернулся из поездки. Ездил по заданию в тыл. На обратном пути в одной из деревень я увидел, что на дороге собирались в кучу дети. Тут были от трёх лет до шести. Я не мог удержаться, чтобы не поговорить с ними, и остановился. Они сразу же окружили мою машину и заговорили все сразу: у них было желание покататься в легковой машине. Пришлось открыть машину и посадить восемь маленьких людей...

На тихом ходу я провёз их четыре километра, потом привёз обратно. Всю дорогу я вёл разговор с будущей молодёжью. Эта милая мелочь охотно говорит на любую тему. Один шестилетний Коля рассказал мне, что у него папу убил фашист, и что он, Коля, просит взять его на фронт, где он будет бить немецких солдат. Я сказал ему, что он ещё мал. Тогда он мне говорит: "А если тебя ланят (ранят), так я спасать тебя буду..." Пришлось пообещать храбрецу, что я приеду за ним потом.

Какие они хорошенечкие. К счастью, я в полевой сумке нашёл цветные карандаши и открытки, всем сделал подарок. А когда поехал, они долго махали мне рукой...

Я ведь так люблю этих карапузов, играющих в саду, при дороге, в поле...

Дней пять назад ехал домой. По делам остановился в одном населённом пункте. Машину пришлось поставить под густыми берёзами у одного дома. Я, пользуясь свободным временем, раскрыл журнал и углубился в статью. Потом чувствую, что кто-то на меня смотрит. В одном из окон торчит кудрявая голова мальчугана. Такой хороший, голубоглазый. Я стал наблюдать за ним... Он смотрел долго на улицу, облокотясь на подоконник... Потом его пригрело солнце, и он, положив голову на руки, крепко заснул... Уезжая, я положил к нему на окно плитку шоколада... Будить было жаль!

Откровенно говоря, без жалости убиваешь какого-нибудь немецкого солдата, а вот, увидев ребятишек, я прихожу в восторг. И откуда берётся столько мягкости в душе?

Тороплюсь, не успел дописать. <...>

Письмо от 2 июля 1942 г. Ночью. Действующая армия.

<...> Перед тем, как лечь отдохнуть, напишу тебе немножко, всё равно телефон не даёт заснуть, всё время звонит.

Сегодня я с большим удовольствием купался в маленьком красивом озере.

Замечательный вид. Проезжал в одном месте на коне и наткнулся на озеро. Это было с утра. А под вечер в бане был после пыльной дороги. Тут недалеко деревня.

Когда был на озере, меня сфотографировали. Забрался в лодку покататься. Даже четверостишие придумал, но среди людей, как и всегда, не продолжил, понадеялся на завтра, а и завтра не придумал ничего. Так вот и заленился, не пишу, разучился писать ...

Завтра, если выберу кусочек времени, то поеду на лошади. Лошадь хорошая мне попала, молодая. Учусь брать препятствия ... Недавно ездил и три прыжка сделал хорошо, на четвёртом кобылица споткнулась, упала и ноги вверх. Я перелетел через неё, но быстро поднялся, лошадь тоже прыгнула и подошла ко мне. Она хорошо знает меня ... Однажды я не спал две ночи. Приехали в одно место и ожидали одного начальника. Я лёг на травку и заснул так хорошо. Когда один командир хотел разбудить меня, то моя Искра не подпустила его близко ... Над этим долго смеялись.

И ещё расскажу. Недалеко от передовой линии фронта мы переехали на другую сторону речки, привязав лошадей на берегу, так как через речку их нельзя переправить. А моя лошадь перекусила ивовую ветку куста, сделала круг и переплыла речку, а потом прибежала ко мне. Вот удивились все!

Недавно я дал свою лошадь одному командиру, а сам уехал на машине. Так как все знают, что я никогда не привязывал лошадь, и она не уходила, то командир решил, что и от него не уйдёт, и не привязал. Когда он отошёл в сторону, "Искра" стремительно рванулась вперёд и прискакала на своё место, на конюшню. Командиру пришлось восемь километров топать пешком. Вот смеху было.

А сейчас отдохну. Как хорошо после работы забраться в постель. Это не всегда бывает. Бывает, что или совсем не спишь, или ложишься спать на шинель, под голову шинель, и укрываешься шинелью. А шинель-то всего только одна. Вот и спи! Ничего всё вынесем! Наша возьмёт!!!

<...>

В.С. Калачёв с однополчанами.
Лето 1942 г. Ладожский фронт.

Письмо от 9 июля 1942 г. Действующая армия.

“Ожиданием своим

Ты спасла меня ...”

К. Симонов

<...> Может быть, и не написал бы это письмо, но подошло такое хорошее настроение, и свободные сорок минут потрачу на письмо к тебе.

Недавно мне один человек сказал, что без причины ничего не бывает. Предположим, что я согласился с ним, и опишу причины моего прекрасного настроения. Я коротко расскажу тебе мой сегодняшний день.

Во-первых, я хорошо отдохнул (выспался досыта, что здесь редко бывает). Во-вторых, утром, поехав в дорогу, я прекрасно выкупался в небольшом чистом озере. И там же на лугу занимался спортом: бегал по дорожке, прыгал через препятствия. (Это было в ожидании одного решения). Потом поехал по заданию, которое было выполнено.

И вот, приехавши “домой” (как я зову свою палатку), хорошо покушал (работая) и нашёл, что в моей палатке прекрасно. Мой связной наносил в палатку свежих цветов. Уставил ими весь стол ...

И в результате всего этого: после работы, испытывая усталость, перечитал твоё письмо (т.к. больше не получаю от тебя, вынужден старые перечитывать – забыла, видно!), да ещё фиалки лесные белые заметно пахнут, - вот и появилось хорошее настроение ...

Когда бывает что-нибудь радостное в моей жизни, я бываю очень весел. А здесь радость скромно живёт в сердце, редко посещает, и поэтому откликаюсь вот таким беспорядочным письмом. <...>

Письмо от 17 июля 1942 г. Действующая армия.

Днём.

<...> Дождь и дождь бесконечный. Вот уже несколько дней. Работа работой, а дождь наводит на раздумья.

Вечером. 10 часов.

Только что вернулся “домой”. Промок насеквоздь. Мой связной заботится обо мне: как только я приехал, он сразу же затопил маленькую печку, которую можно быстро установить и быстро убрать (в 5 минут разбирается). Ты не удивляйся, что в середине лета и печку затопили. Во-первых, не в доме, а в палатке. Во-вторых, невозможная сырость, а в-третьих, у печки можно высушить платье, а так, конечно, не топим. И не могу не отметить – на моём столе (как всегда) сегодня два букета свежих полевых цветов. Это тоже приносит мой связной. И до чего хорошо после далёкого пути вернуться в свой уголок. Это не всегда так будет, вернее, не долго будет продолжаться, та как с очередным присвоением звания мне придётся командовать подразделением (батальоном). И может быть, посчастливится учиться, чтобы потом стать более знающим командиром. Пока всё ещё неопределённо ...

И ещё скажу одну неопределённость: может быть, к трёхлетней годовщине нашей последней встречи, мы увидимся, так как по служебным делам (проездом мимо) придётся побывать в родном городе. Это очень неопределённо и очень возможно. Но буду, может быть, один день, два. А пока: “Жди меня и я вернусь, только очень жди ...”

Письмо от ... июля 1942 г. Действующая армия.

<...> Весной (кажется в марте) я с моим начальником выехал в передовые действующие части во время одной операции ... В вечерние сумерки я спешил в штаб дивизии по лесному просеку, по которому с передовой, с поля боя, вывозили раненых ...

И случайно мой взгляд упал на дровни, на которых лежало трое ... А ... одно лицо показалось очень-очень знакомым ... Всматриваюсь и вижу знакомого человека, приятеля по педтехникуму ... Он улыбнулся, но молчит, не двигается ... Я назвал его по имени, и сам иду за повозкой ... Он снова улыбнулся болезненно и сделал едва заметное движение рукой ... подъехали к медпункту ... Я помог внести приятеля в палатку ... Там положили на брезент ... Я нашёл главного врача и стал просить, чтобы обратил особое внимание на моего знакомого ... И в это время я взглянул на часы – опаздываю! Подошёл к приятелю, пожал ему руку, он молчит, взял мою руку и поцеловал ... Это меня очень тронуло ... Я побежал бегом.

В полночь я отпросился проведать приятеля. Прихожу, а его уже вынесли из палатки ... Умер ... У него осколком (от разрыва снаряда) перебило челюсти и горло. И так как ночь была светлая, я указал бойцам место, где зарыть товарища. А место могилы я пометил на карте. Уходя, от имени моего начальника приказал сделать ограду и памятник (из дерева, конечно) ... А позавчера, проезжая этим просеком, увидел холмик, огороженный и небольшой памятник.

<...>

Письмо от 21 июля 1942 г. Вечером. Действующая армия.

<...> Уже темнеет. Тихий вечер. Днём дождик был. Сейчас совсем темно. У меня есть кусочек свободного времени, и поэтому сейчас поеду купаться на озеро, которое недалеко. Озеро совсем маленькое красивое.

Вот уже третий день принимаюсь писать письмо тебе, и всё отрываюсь.

Не буду скрывать: в последние дни чувствую неопределённое волнение. Особой причины нет на это, но как-то странно складывается мнение обо всём, а главное о себе. И постепенно все думы выливаются в волнение. Ты не поняла меня и сейчас? Как и в ранних письмах?

Я взволнован не каким-то случаем, происшествием, а в моём переживании эти незначительности складываются, и невольно иногда щемит сердце.

Ты можешь не понять здесь меня, но неверно было бы думать, что на войне человек ни о чём не думает (кроме того, чтобы уложить в землю побольше фрицев), неверно говорить, что на войне человек – примитивное существо, автомат. Нет! Кроме жгучей ненависти к врагу, у человека есть мучительная любовь к любимой девушке, к жене, к семье, к друзьям, к дому и, наконец, к родной стране !!! Именно, на войне человек больше задумывается о жизни, о дружбе и, конечно, лично о самом себе. И если есть глубокие раздумья, то это не значит, что это уныние в душе человека! Опять нет и нет! Если есть раздумье здесь, в такой обстановке, то у честного пламенного человека не уныние в душе, а стремление вперёд к определённой цели, уверенность создаётся, уверенность в счастье в будущем, растёт духовная сила, больше бодрости. А когда всё это переживаешь – есть волнение. Но волнение такого рода - это не слабость, а наоборот – грозная сила в одном человеке, а нас ведь много!!! Волнуешься, и нелегко бывает, но громко кричишь: “Да здравствует жизнь!!!” И смелей в бой жаркий! Верить – значит побеждать! Эта простая истина рождена настоящей обстановкой. С верой и жить легче, и умирать легче.

Приведу хороший пример. В бою смертельно ранен молодой командир ...

Красивый и любимый далёкой девушкой. И в предсмертную минуту (я слышал) он ласково звал её, называл её имя, и последним словом молодого командира было краткое имя девушки, которую вспоминал, умирая ... Я восхищаюсь этим! Он верил в любовь, а следовательно, в жизнь, в победу. И он (уверяю!!!) остался непобеждённым, он умер, но его не победили.

Умирая, он был сильным – любил, верил ... Слава этому скромному мужеству и пламенному прекрасному сердцу русского солдата !!!

Видел я смерть другого командира (ему было 22 года). Он чувствовал, что едва дотянет до вечера, и он сказал: “У меня есть единственное желание, чтобы кто-то написал вот по этому адресу ... Мне хочется, чтобы она знала ...” Простые мужественные слова!

Я здесь немного расчувствовался, но с кем же, как не с тобой откровенно говорить?! Вот и легче мне стало, поругался сам с собой и свободней вздохнул.

А сейчас времени – начало третьего. Ночь. Тихо после дождя. И где-то далеко слышу “Ночную мелодию” в исполнении патефона. И невольно эта музыка мне напомнила Сад, тебя и много милого !!! Юность, Юность! Ты прошла до срока!!!

<...>

Письмо от 26 июля 1942 г. Действующая армия.

<...> Странно: я уже чувствую окончание лета. Ты, наверно, заметила, что в каждом письме моём упоминается природа. Это не случайно. Иногда кашляют орудия, и рядом рвутся снаряды противника, а я не могу без восторга глядеть на берёзовую рощу, на луга в цветах. Природа живёт во мне. Вот хотя бы возьми такую мелочь: на моём столе всегда свежие цветы. Кажется, не такое время, чтобы думать и любоваться цветами, но я каждый день, проходя мимо речки – набираю цветов.

2 часа дня.

Только что вернулся из поездки. Был на слёте истребителей фашистов. Вот даже у простых бойцов-истребителей можно учиться. Если пойду командовать батальоном, то обязательно буду охотиться со снайперской винтовкой. А пока это невозможно, у меня работа другого сорта. И моя работа сейчас требует умения, а главное культуры военной и человеческой (житейской).

Опять не успел дописать, надо ехать. <...>

Письмо от 29 июля 1942 г. Действующая армия.

Я в бой иду, чтоб завтра жить ...

Байрон

<...> Я привык часто и много писать. В последнее время у меня больше «свободного» времени. «Свободного» поставил в кавычки потому, что здесь свободного времени не бывает, а есть короткие промежутки, когда между делом выберешь время для себя. Большую часть этого времени сейчас я трачу на самоподготовку: жадно прочитываю свежие газеты (особенно «Красную Звезду») и современные военные журналы («Военный вестник», «Военная мысль»), потом различные наставления и т.д. Осенью у меня должна произойти перемена в службе, в должности, в связи с присвоением очередного звания. А поэтому – готовлюсь, чтобы лучше работать, быть настоящим общевойсковым командиром.

Только что принесли свежие московские журналы ... Прочитал и поднялись воспоминания о Москве. А потом вспомнил нашу переписку, твои письма, написанные мне в Москву. Жаль, что их у меня не сохранилось ни одного, а то бы с удовольствием перечитал.

<...>

Письмо от 11 сентября 1942 г. Действующая армия.

Милая Соня!

Опять заехал случайно к себе в палатку и был обрадован – получил три твои письма. Благодарю тебя за эти письма. Они настолько ободряют меня, что вот приезжаю пыльный, усталый, похудевший, и после прочтения становится веселей. Вот и сейчас приехал с переднего края, читаю твои письма. Потом сделал передышку, помылся, сменил бельё, покушал, и как-то лучше на сердце стало. Осталось полтора часа в моём распоряжении, а потом снова на передовую, там мой хозяин, ведь беспокоюсь за него, что-нибудь случится – я отвечаю за всё. А сюда приехал по особому поручению. Всё выполнил, всё сделал... Откровенно говоря, я за эту неделю почти не спал, и вот сижу у своей кровати и с завистью гляжу на чистые простыни, на беленькую подушку. Как бы хорошо сейчас упасть и крепко-крепко заснуть, и спать бы долго-долго... но впереди дел столько, что конца не видно, и поэтому говорю сам себе: «Работать, вперёд! Драться лучше! Бить немца!!!»

<...>

Письмо от 18 февраля 1943 г.

«Пусть тебя не мучает тревога»

А. Прокофьев.

<...> Совсем неслучайно я поставил этот эпиграф: сегодня я познакомился с известным ленинградским поэтом Александром Прокофьевым. Он сейчас работает в нашей армейской газете. Удалось выбрать пару свободных часов и поехать в ту деревушку, где живёт и работает Александр Прокофьев. Вижу его в первый раз. Замечательный человек! Разговорились от души. Начали стихами и кончили стихами.

Прочитал некоторые мои стихи. Сказал, что надо печатать. Стихи ему мои понравились. На прощание подарил мне свою книгу стихов “В защиту влюблённых”. На книге сделал надпись такую: “В.С. Калачёву. Может быть, тут и Вас я защищаю...”.

Стихи одного содержания – любовная лирика. Стихи очень хорошие. Вот, когда увидимся, прочитаем.

Сейчас прослушал в исполнении Шульженко (патефона) “Караван”. При всей прозе жизни музыка наводит на утончённые размышления. <...>

ПИСЬМА МЛАДШЕМУ БРАТУ – Н.С. КАЛАЧЁВУ

Письмо от ... января 1943 года.

Коля! Положи эти книги туда же, где лежат другие мои книги.

Как только получишь эти книги – сразу же напиши мне.

Целую! Володя.

Письмо от 11 февраля 1943 года.

Здравствуй, Коля! Сейчас выбрал свободную минутку и решил написать тебе.

Чувствую себя хорошо. Круглые сутки загружен делами; время летит совсем быстро. Хотя и трудновато, но зато есть успехи, что очень радует, продвигаешься вперёд. А вам, школьникам, следует продвигаться в науке.

Пиши о школьных делаах, обо всём, обо всех.

Что читаешь?

Все ли здоровы? Что нового? Всем привет!

Пиши! Жду! Целую! ВК.

Письмо от 15 апреля 1943 года.

Здравствуйте!

Вчера получил мамину письмо. Рад, что получили свёрток. Завтра посылаю деньги.

Живу ничего. Чувствую себя хорошо.

Коля! Стихи эти положи в мои книги, вместе с другими. Получил ли Тютчева и мои стихи, ранее присланные?

Пишите! Жду!

ВК

Письмо от 15 июня 1943 г.

Дорогой Коля!

Жду твоих писем! Как поживаете? Что нового? Приехала ли мама из Квасюнина?

Два дня назад я послал вам денег – тысячу пятьсот рублей. Как только получите – сразу же мне напишите. Я продал плащ свой, который сшит был давно ещё.

Посылаю стихи мои, напечатанные в газетах. Коля! Все эти стихи храни, положи их в мои книги.

Что будет новое - пиши мне. Как твои испытания в школе?

Всем привет! ВК.

Письмо от 20 июня 1943 года.

Коля! Не могу выбрать время, чтобы написать обстоятельное письмо.

Что у вас нового? Пиши!

ВК

Письмо от 21 июня 1943 года.

Коля! Как прошли твои испытания за седьмой класс? Каковы отметки? Что будешь делать летом? Пиши мне чаще.

Получили ли мои деньги? Напиши мне. Что долго нет писем от Юрика? Узнай его адрес и напиши мне. Чувствую себя хорошо. Всем привет! Целую!

ВК

Письмо от 26 июня 1943 года.

Коля! Письмо твоё получил, оно очень толково написано – перечитывал его несколько раз. Отвечу на письмо на днях.

Я чувствую себя хорошо.

Подробней обо всём напишу в письме.

С приветом

ВК

Последнее письмо от ... июля 1943 года.

Коля! Эти стихи и книжки сохрани.

Вместе со стихами посылаю письмо.

Как только получишь эти записные книжки и стихи, сразу же напиши мне. Жду!

Целую! ВК

ПИСЬМА ПОЭТОВ ВЛАДИМИРУ КАЛАЧЁВУ

(1937 – 1943)

Во всех Ваших письмах и записочках я живо слышу интонацию Вашего голоса и, читая их, явственно вижу Вас перед собой. Это хороший признак. Вы, несомненно, чувствуете природу не только стихотворного, но и прозаического языка.
Предсказываю Вам, что со временем Вы будете пробовать себя и в художественном рассказе.

Вс. Рождественский.

(Из письма от 18 августа 1942 г.)

ПИСЬМО ИВАНА МОЛЧАНОВА ОТ 12 НОЯБРЯ 1937 Г.

Дорогой тов. Калачёв!

Письмо Ваше получил. Спасибо за отзыв о моей работе. Посылаю Вам заказным новую мою книжку «Ветер с Беломорья». Старых моих книг Вы нигде не найдёте, кроме как в библиотеках. В магазинах они давно распроданы. У меня всего вышло в свет 25 книг. Лучшей из них я считаю – «Военная молодость» (Изд-во ЗИФ, 1930).

В настоящее время работаю над книгой в прозе - «Путешествие в страну огненных белок» (о республике Коми). Не знаю, как таковая вытанцуется. Материал – огромный. Работаю медленно.

Пришлите Ваши стихи, мы их тут с товарищами посмотрим. Чем сможем – поможем.

Извините за задержку с ответом. Я только что вернулся из Абхазии, где пробыл больше месяца. Ваше письмо пришло без меня.

Жму руку.

Иван Молчанов.

Москва.

ПИСЬМА ВСЕВОЛОДА РОЖДЕСТВЕНСКОГО

Письмо от 10 июня 1942 г.

Дорогой Володя!

Спасибо Вам за то, что переслали мне письмо с приветом от друга-читателя. Мне было приятно узнать этот отклик, а ещё приятнее вновь услышать Ваш голос. Во всех Ваших письмах и записочках я живо слышу интонацию Вашего голоса и, читая их, явственно вижу Вас перед собой. Это хороший признак. Вы, несомненно, чувствуете природу не только стихотворного, но и прозаического языка. Предсказываю Вам, что со временем Вы будете пробовать себя и в художественном рассказе.

А сейчас вернёмся к стихам. Они передо мною, Ваши стихи – и я за это время не раз к ним возвращался, так что многое из них уже звучит у меня где-то, в глубинах памяти. Сейчас я перебираю по порядку.

1. *Я давно ищу...*

Очень свежо, непосредственно. Лучшая строка вторая. Я бы только переделал последнюю строчку, чтобы не было «оглянуся»: «*Оглянусь – а Валентины нет!*»

2. *Быть может в середине лета ...*

Тоже хорошо. Надо только убрать одно из дважды повторяющегося «*пройдёт*»:

*И об одном лишь пожалею,
Что ты теперь уже не та!»*

3. Июльский запоздалый вечер ...

Тут есть небрежная рифма: *дождя – шелестя*. Не нравится мне и слово «*обнаружил*». Оно другого смыслового ряда. Тут надо было бы что-либо простое. Хорошо только одно – «*большая ночь*».

4. Отблеск красного заката...

Большая небрежность. «*Далеко – стекло*» - рифма бедновата. А строка «*И морозом,
и дыханьем обжигаешь мне лицо*» – просто непонятна из-за своей образной неточности.

5. Что белый ствол берёзы ранен...

Очень хорошо – с первого до последнего слова. Всё восьмистишие взято, как говорится, одним дыханием. Я бы только не начал второй строфы с союза «*и*», так как он есть несколько раньше.

6. Любовь была бы мне досадой ...

Удачны только две последние строки.

7. Помню я осень в деревне ...

«Только ... лишь» – одно из этих слов лишнее. По смыслу надо «*завлекли*», а не «*завлекло*». Вообще стихи недоработанные.

8. Июльский синий день в истоме...

Две последние строфы хорошие – особенно образ «*капель*».

А в основном – впечатление поэтической свежести. Очень хорошо, что много в этих стихах непосредственной образности, природы. Это обещает в Вас поэта, если будете строже работать над собой.

Сердечно жму Вашу руку.

Пишите и присылайте стихи.

Вс. Рождественский.

Письмо от 18 августа 1942 г.

ППС 591

Штаб армии

Адъютанту нач. штаба

Ст. лейтенанту

Владимиру Калачёву

Адрес отправителя: ППС 591 Редакция

Вс.А. Рождественскому

Дорогой Володя!

Мне что-то скучно стало так долго ничего не знать о Вас. Чтобы Вам сесть в свободную минуту и набросать мне десяток другой прозаических или стихотворных строчек?

Помните, как хорошо мы всегда беседовали с Вами?

Вс. Рождественский.

Письмо от 18 февраля 1943 г.

Дорогой Володя!

Сегодня я получил письмо от Вас и по счастливой случайности сегодня же могу ответить. Вы совершенно правильно объяснили причину моего молчания. Всё время был в разъездах и притом часто в таких условиях, что было не до пера и не до бумаги. Все ваши письма получил сразу – уже здесь, на базе. Благодарю Вас сердечно за те тёплые слова, которые в них есть, а особенно за стихи – от них опять пахнуло на меня свежестью и непосредственностью поэтического восприятия, т.е. теми свойствами, которые я особенно ценю и ради которых готов простить недочёты стихотворной техники, иногда свойственные Вам. Есть ряд счастливых образов: девушка, похожая на зарю и др. Жаль, мало пейзажа, который Вам свойствен органически.

А я, наконец, во время краткого перерыва в работе – недели на две – получил возможность тоже заняться литературными делами. Привожу в порядок свою книгу, чтобы отослать её в Ленинград, в издательство. Набрал до 30 стихотворений и дал им общее название “Голоса Родины”, т.к. книга получилась исключительно фронтовая. Кое-что, конечно, потребует доработки, за что я с удовольствием сейчас и принимаюсь. Обстановка позволяет. У меня тихая комната, стол, чернила. Пишу и лирику. Кое-что посылаю вам – на память о наших литературных встречах и беседах. Думаю, что после 1-го буду опять в Ваших краях и тогда постараюсь разыскать Вас. Нам не следует терять друг друга из виду. Скажу прямо – из многих моих литературных собеседников здесь, на фронте, Вы единственный, в ком я слышу голос поэта.

Здесь ждало меня довольно много писем от друзей и приятелей, в том числе любопытное и хорошее письмо от Вс. Вишневского, из которого я узнал, что существует проект вызова меня в Ленинград, в Союз советских писателей для творческого отчёта. Я был бы этому рад, конечно. Но почему-то хочется, чтобы это было весной. Хочется увидеть родной город под весенным небом.

Большая радость для меня, что я живу опять по соседству с хорошей библиотекой.

Здесь я нашёл полного Блока и читаю его до опьянения, многое записывая для себя в походную свою тетрадь. Сколько стихов, любимых с юности, раскрылось для меня здесь совсем по-другому! Перечёл также Баратынского, Полежаева, прозу Пушкина, кое-что из Некрасова. Это обогатило меня надолго.

А вообще жизнь идёт обычным порядком, и мне трудно было бы отметить в ней что-либо нового. С большим волнением переживаю этапы нашего большого наступления – ведь каждый шаг приближает нас к тому прекрасному времени, когда всем нам будет возможность вернуться к привычному и любимому делу, дышать свободным воздухом культуры.

Обнимаю Вас дружески

Ваш Вс. Рождественский

Письмо от 16 апреля 1943 г.

Мой новый адрес: полевая почта: 48767 – К

Дорогой Володя!

Большой радостью было для меня Ваше письмо. Я снова услышал Ваш голос и ощутил прелест живой беседы. А о стихах, о поэзии мне всегда приятно поговорить, тем более с человеком, который искренно любит и понимает в ней самое существенное. Ваш обширный обзор работы ленинградских и московских поэтов эпохи Отечественной войны очень примечателен. Я читал его с глубоким интересом. Никак не могу спорить с Вашиими основными выводами. Да, конечно, написано много и спешного, и незрелого. Но, как справедливо Вами замечено, есть люди, хорошо растущие в этой великой теме. Мне, также, как и Вам, нравится А. Сурков. С войной он родился вновь, нашёл простые, эмоционально правдивые, а главное исконные русские ноты. Он национален в самом хорошем смысле этого слова. В нем есть что-то и от Кольцова, и от лучшей поры Есенина, и вместе с тем удалось ему сказать и своё. Интересен всё же и К. Симонов, но его “русское начало” часто идёт от ума, а не от сердца. Мастерство его для меня несомненно. (Вы знаете его книжку “Лирика”?) В своём перечислении Вы напрасно пропустили имя Веры Инбер. “Пулковский меридиан” и многие её стихи из книжки “Душа Ленинграда” заслуживают большого внимания. Интересна и ленинградская поэма Ольги Берггольц “Февральский дневник” (дни блокады 1941-1942 г.). Большое стихотворение А. Прокофьева “Россия” замечательно своим почти блоковским звучанием. В. Саянов – умный и культурный поэт. Жду с любопытством, какой будет его печатающаяся книга. Не совсем согласен с Вашей оценкой прозы Н. Тихонова. Его “Ленинградские рассказы”

насыщены наблюдательностью и дадут много ценного будущим историкам Отечественной войны. Вообще надо согласиться с тем, что сейчас, в горячее ещё время, идёт, в основном, только заготовка будущего. Основная творческая работа ещё впереди. Кроме того, всегда ведь должны быть стихи прямого и непосредственного действия. Сейчас лирика носит по преимуществу характер “общих чувств”. Отдельно “живой человек”, простая и героическая душа станет, как мне кажется, главной темой грядущего поэтического поколения.

Можно было бы говорить ещё о чертах поэтического стиля нашей эпохи, но это уж очень обширная тема. Стиль всецело определяется содержанием, и обострённое внимание к темам Родины – уже сейчас это можно сказать – выдвинул целый ряд приглушённых раньше мотивов – родной пейзаж, чувства советского русского человека, непосредственную эмоциональность, простую разговорную речь и т.д.

Спасибо Вам, Володя, за дружеский отклик на мои стихи. Я получил извещение из Государств. Изд-ва о том, что книга моя уже набрана и поступила в дальнейшее производство. Надеюсь, что через месяц – два у меня будет возможность послать Вам её.

Присланные Вами стихи – живые, отмеченные непосредственным поэтическим чувством. Возьмите их, добавьте ещё два-три и смело посыпайте по адресу: Ленинград, ул. Войнова, 18. Редакция журнала “Звезда”, Виктору Андроновичу Мануйлову. Я напишу ему от себя несколько строк о Вас. Мне кажется, что в Вашей фронтовой лирике есть хорошее, интересное для всякого журнала, качество – свежесть, простота и очень верное изображение чувств человека, любящего свою Родину.

Ну, вот и всё на сегодня. К сожалению, надо кончать письмо – много всякого дела. Сердечно жму Вашу руку.

Вс. Рождественский.

Пишите мне. Всегда рад беседе с Вами.

Письмо от 27 июня 1943 г.

Дорогой Володя!

Я с большим удовольствием и интересом прочёл Ваше письмо. Мне оно понравилось тем, что Вы с большой горячностью отстаиваете в нём свои права поэта. В этом отношении Вы совершенно правы, и с Вами нельзя не согласиться. Мы должны отвечать за каждую свою строчку, написанную с искренним чувством. Мне тем более приятно с Вами соглашаться, что я и сам никак не настаиваю на своих поправках к Вашим произведениям и сделал их в порядке предложения. Более того, в данном случае имел в виду обычные журнальные вкусы и хотел предохранить Вас от возможных упрёков и

замечаний. Что же касается меня лично, то мне Ваши стихи кажутся достаточно интересными и в том виде, в каком они даны Вами. В отношении моих замечаний можно, конечно, спорить, но всё это – дело вкуса, личного вкуса, и потому таким спором трудно было бы добыть объективную истину. Я от спора воздерживаюсь, да он и не кажется мне обязательным.

Несколько слов о стихотворении «Автоматчик», едва ли не лучшим из цикла. Постараюсь в двух словах объяснить Вам принципиальную сторону своих замечаний. Стихотворение мне очень понравилось, и я его хорошо чувствую, так, как если бы писал его сам. Вот мне хотелось заранее защитить Вас от упрёка в том, что Вы в самом начале даёте очень банальные примелькавшиеся выражения: «небо голубое», «задумчивый закат». Вас могли бы упрекнуть в неумении найти что-либо более самобытное и яркое. Затем о строчках о «поруке» и о том, что «смерть свою не счёл бедой». Мне кажется, что на фоне очень простого, я бы сказал «прозрачного» стихотворения они слишком усложнены и даже запутаны по смыслу. Подумайте-ка хорошенько об этом – Вы, наверное, в конце концов согласитесь. Остальные мои замечания менее существенны. А в общем, как мне кажется, нет никаких препятствий в том, чтобы отправить стихи в журнал «Звезда» в прежнем их виде. Это мы и сделаем – чем скорее, тем лучше. Пришлите мне их опять – я напишу соответствующее препроводительное письмо в редакцию. А если у Вас будет что-либо ещё за это время – приложите.

Ну, вот, кажется, и всё, за исключением того, что я всегда рад Вас видеть и беседовать с Вами.

Дружески жму Вашу руку.

Вс. Рождественский

Вопрос о моей поездке откладывается до после праздников. Выясняется – своевременно сообщу.

**СТИХИ ВСЕВОЛОДА РОЖДЕСТВЕНСКОГО,
присланные Владимиру Калачёву в письме.**

МОГИЛА БОЙЦА

День угасал – неторопливый, серый.

Дорога шла неведомо куда.

И вдруг под ёлкой столбик из фанеры,

Простая деревянная звезда.

А дальше лес и молчаливой речки
Охваченный кустами поворот.
Я наклонился к маленькой дощечке:
«Боец Петров» и чуть пониже – год.

Сухой венок из побуревших ёлок,
Сплетённый чьей-то дружеской рукой,
Осыпал на траву ковёр иголок,
Так вкрадчиво скользящих под ногой.

А тиши такая – точно не бывало
Ни взрывов орудийных, ни ракет.
Откуда он? Из Вологды? С Урала?
Рязанец? Белорус? Ответа нет.

Но в стёртых буквах имени простого
Встаёт лицо, скуластое слегка,
И серый взгляд, светящийся сурово,
Как русская равнинная река.

Я вижу избы, взгорья ветровые
И, уходя к неведомой судьбе,
Родная безымянная Россия,
Я низко, низко кланяюсь тебе!

СИНИЦА

Она ко мне влетает спозаранку,
И на снегу по сизому перу
Я узнаю пернатую смуглянку,
Лесных ветвей пернатую сестру.

Одним глазком поглядывая в небо,
Другим на мой бревенчатый порог,
Она клюёт, нахохлясь, ломтик хлеба,
Наколотый на сломленный сучок.

Потом бочком подскакивает близко,
Шуршит сухой хвоей на шалаше,
И от её чириканья и писка
Так празднично становится душе.

Кто может знать, чему пичуги рады,
Что болтовней им наполняет грудь?
Ни первый лёд, ни грохот канонады,
Ни дым костра не могут их вспугнуть.

Отстала ль ты, замёрзнув на привале,
Иль может быть, милей морской волны
Тебе дождём затянутые дали,
Сосна и мох болотной стороны?

То к крошкам хлеба лёгкая привычка.
Иль манит к дому сосен воркотня?
Не всё ль равно! Беспечный друг мой, птичка,
Сама дрожа, согрела ты меня!

ПИСЬМО ПОЭТА НИКОЛАЯ АСЕЕВА ОТ 28 АПРЕЛЯ 1943 г. [1] .

Тов. Старший Лейтенант!

Нет, критиковать я Вашего стихотворения не буду. Оно хорошо тем, что в нём есть решительность и определённость чувства. Слова в нём не все те, какие бы Вам самому хотелось сказать. Размер держит. Размер подсовывает подходящие для него самого, а не для Вашего сердечного движения. А В.В. Маяковский искал всю свою жизнь слова, которые бы не подчинялись размеру, были носителями именно той выразительности, которую чувствует сердце. Размер нам вбит привычкой в мозги, привычкой к книжной речи, привычкой к ранее читанным и запомненным строчкам. Маяковский ломал эти привычки, чтобы освободить человеческие чувства от столетних напластований, от подложенного под впечатления транспаранта готовых отсчитанных слогов. Об этом же думал и Пушкин, когда писал: «В зрелой словесности приходит время, когда умы, наскуча однообразными произведениями искусства, ограниченным кругом языка условного, избранного обращаются к свежим вымыслам народным и к странному просторечию ...»

[2]. Вот об этом-то ограниченном, условном, избранном языке и идёт спор, поднятый Маяковским, впервые после Пушкина. При Пушкине словесность наша ещё была в сильной зависимости от ранее развившихся западных литератур. Ей многое нужно было ещё заимствовать, доказывать, что русский язык может освоить все формы и размеры, которые были приняты на западе. Ей нужно было догнать в своём развитии французскую, английскую и другие литературы. Отсюда разработка и применение Пушкиным, Жуковским всех видов и форм, существовавших на западе. Но мечтал-то Пушкин о том времени, когда – развив и умножив литературные, поэтические виды и роды, - можно будет вернуться к родному русскому стиху. В этом стихе нет точного размера, он неравномерен, не подогнан под равный счёт слогов в каждой строчке. Доказательство этому – сказка Пушкина «О попе и работнике его Балде», где строчки разномерны, не выверены по линейке, не повторяют друг друга в равном счёте слогов. Об этом-то «странным просторечии» и говорил Пушкин, прислушиваясь к говору народному, к пословицам и поговоркам, к складу и размеру заговоров, прибауток и т.д. Но книжная речь у нас в то время ещё только упрочалась, и Пушкин говорил об этом дальше: «У нас ..., так назыв<аемый> язык богов <так> ещё ... нов, что мы называем поэтом всякого, кто может написать десяток ямбических стихов с рифмами» [3]. Вот это понимание поэзии и места и значения поэта до сих пор у нас ещё мешает правильной оценке этого трудного и чудесного искусства. Маяковский – первый после Пушкина полностью и целиком был заполнен заботой о судьбах и развитии нашего искусства. Поэтому народ, инстинктивно чувствуя в нём огромную национальную ценность, так и любит его. Поэтому и Вы его любите, и разговор о поэзии обязательно сводится к нему, даже и на переднем крае и в условиях, кажется, для этого мало подходящих. Поэтому и я прочёл Вам эту краткую лекцию о назначении поэзии, которая, я уверен, будет для Вас не бесполезна.

Маяковский начинал с того, о чём думал Пушкин. Его молодые строки о маме, которая «на васильковых обоях», о земле, которая, как мать, стареет и теряет волосы лесов, о шумах города и водосточных трубах, звенивших мелодиями дождя, - написаны безразмерным стихом, не укладывающимся в определённый размер:

У меня есть мама
На васильковых обоях,
А я, гуляя, пёстрые ромашки,
Шагом меряя, мучу. [4]

Вспомните:

Жил поп
Толоконный лоб,

Пошёл поп по базару
Посмотреть себе разного товару. [5]

Вы поймёте, что понимание русского языка у них было одинаковое. Пушкин видел в будущем поэта, который обратится к стиху народному. Вот этот поэт и пришёл. Но его не сразу признали из-за того же “странных просторечий”, от которого отвыкли люди, привыкшие к книжной, искусственной речи. Но его признал и утвердил народ. Поэтому-то его строчки близки и тому товарищу, который читал на переднем краю “Уходите, мысли, восвояси”, как пишете Вы.

Желаю Вам здоровья, счастья и долгой жизни, несущей знаменем имя Маяковского. Его ещё нужно отстаивать от недоброжелательства и холоднодушия людей, завидующих и искажающих его облик!

Крепко Вас обнимаю

Ник. Асеев.

Примечания к письму Н. Асеева

1. Данное письмо было опубликовано ранее племянницей В.С. Калачёва - Л.Г. Калачёвой (Яцкевич) в 1964 г. в журнале “Русская литература” № 2 за 1964 год, с. 146-148. Вступительная заметка и примечания А. Смородина. Ниже эти примечания воспроизводятся.
2. Пушкин, Полное собрание сочинений, т. XI, Изд. АН СССР, 1949, стр. 73.
3. Там же.
4. Стихи из цикла «Я» («Несколько слов о моей маме») приводятся неточно, по-видимому, по памяти. Ср.:

У меня есть мама на васильковых обоях.

А я гуляю в пестрых павах,

Вихрастые ромашки, шагом меряя мучу.

(Владимир Маяковский, Полное собрание сочинений в тридцати томах, т. II, Гослитиздат, М., 1955, стр. 47).

5. Четверостишие, вероятно, приводится также по памяти. Ср.:

Жил-был поп,

Толоконный лоб,

Пошёл поп по базару

Посмотреть себе кой-какого товару.

(Пушкин, Полное собрание сочинений, т. III, ч. I, стр. 497).

ПИСЬМО ПОЭТА АЛЕКСАНДРА ПРОКОФЬЕВА ОТ 3 МАЯ 1943 г.

Дорогой Владимир Степанович!

Спасибо за стихи и письмо. Стихи буду печатать в журнале «Ленинград» и, если подберём альманах (слово написано неразборчиво – ЛЯ) красноармейского творчества, то и там. Присылайте ещё. Мне понравилось начало песни «Три снежинки, три звёздочки» – поэтично. Буду рад содействовать Вашим литературным успехам. Приезжайте в Ленинград.

Привет!

А. Прокофьев.

ПИСЬМО ЧЛЕНА РЕДКОЛЛЕГИИ ЖУРНАЛА «ЗВЕЗДА»

В.А. МАНУЙЛОВА от 1943 г.

Дорогой товарищ Калачёв!

Ваши стихи получены. Я сейчас в редакции «Звезды» не работаю, но стихи мне понравились, и я передал их Николаю Семёновичу Тихонову (Зверинская, 2, кв. 21), члену редколлегии. Может быть, он подберёт что-либо для журнала.

Желаю здоровья, бодрости и боевых успехов.

Ваш В. Мануйлов.

С В Е Т Л О Й П А М Я Т И П О Э Т А

КРУЖКОВ Н.

КОМАНДИР И АДЬЮТАНТ

СТАТЬЯ ИЗ ГАЗЕТЫ «КРАСНАЯ ЗВЕЗДА» (№ 77, АПРЕЛЬ 1943 Г.)

(Приводится в сокращении)

Знаменитый русский военный теоретик генерал Драгомиров, определяя роль адъютанта, писал:

«Желательный адъютант должен быть: не лицеприятен и не интриган; толков, грамотен, деятелен; должен уметь жить в ладу со штабом; должен всё помнить, не надоедать с пустяками; должен знать, что доложить, а о чём и умолчать. Доброе товарищеское согласие в офицерской семье много зависит от адъютанта».

Адъютант это боевой помощник, друг и соратник командира – вот к чему сводятся замечания Драгомирова.

Наполеон говорил, что есть два рода адъютантов: одни - для боя, другие – для гостиных. Так как наш командир не ощущает особой потребности и необходимости шаркать по паркету гостиных, то, естественно, что ему нужен адъютант для боя.

Кто такой адъютант? Это первое доверенное лицо начальника. Командир верит каждому слову своего помощника, а адъютант, в свою очередь, организует работу так, чтобы завоевать это доверие.

На какой основе строится доверие командира к своему адъютанту? Прежде всего на отличном знании службы. Адъютант должен разбираться в любой сложной боевой обстановке, быстро схватывать мысли начальника и осуществлять их, ясно и чётко составлять боевые документы и быть во всех отношениях правой рукой своего командира. Разумеется, только тот адъютант, который является образованным офицером, может выполнять подобные функции.

Французский генерал Тюрпен де-Крисе говорил: «Необходимо, чтобы адъютант уже бывал в походах до вступления в это звание, был зрелых лет и сведущ: это важнейшая должность, на которую не обращается надлежащего внимания».

И у нас среди некоторых командиров существует представление о том, что адъютантская работа не заслуживает признания и уважения. Многие думают, что адъютант – это ординарец или вестовой с офицерскими знаками различия на погонах. Некоторые считают в глубине души, что деятельность адъютанта находится даже в противоречии с законным чувством командирского достоинства.

Всё это разумеется вздор.

Офицер, знающий военную службу, могущий принести своему начальнику пользу опытом и пониманием дела, может быть уверен в том, что его используют именно как офицера. Если же какой-нибудь молодой человек думает преуспеть на адъютантской работе без должных знаний, то он легко может оказаться в положении порученца, выполняющего мелкие услуги. Ведь в конце концов для того, чтобы доложить «машина готова» или сбегать в военторг, или очинить карандаши, не нужно ни военных знаний, ни боевого опыта. Эти функции с большим успехом может нести обыкновенный ординарец или вестовой. Вот у нас нередко и получается, что офицер, занимающий пост адъютанта, но не имеющий военного опыта, сам себя низводит до положения ординарца или вестового. Конечно, нет на свете унизительной работы, и чинить карандаши тоже полезное дело, но вряд ли такого рода обязанности могут удовлетворить человека, способного заниматься более серьёзной и важной деятельностью.

Случается и так, что и сам начальник не стремится искать в своём адъютанте настоящего боевого помощника. Его вполне устраивает на посту адъютанта расторопный вестовой. Такой начальник обкрадывает самого себя.

Бывает и хуже, когда начальник ценит в своём адъютанте не знание дела и службы, а мелкое угодничество, лесть. Вот тогда и появляются в армейской среде такие, с позволения сказать, адъютанты, какие пользуются среди своих сослуживцев пренебрежением и презрением.

Адъютант – это офицер. Всякий уважающий себя начальник должен уважать офицерское звание своего адъютанта. Ничего хорошего нет в том, когда начальник обращается к своему адъютанту примерно таким образом: "Петров, где мой бритвенный прибор?" или «Подай-ка, Петров, мои ночные туфли». Разумеется, адъютанту, находящемуся в подчинённом положении, неудобно отказываться выполнять подобные приказания, но, с другой стороны, неудобно и начальнику отдавать их человеку, хотя и зависимому от него по службе, но являющемуся боевым товарищем, принадлежащему к офицерской семье.

В романе Л. Толстого «Война и мир» показаны два типа адъютантов: князь Андрей Болконский и князь Борис Дру别цкой. Первый был образованным, культурным офицером, знающим и любящим службу. Он был адъютантом Кутузова, и Кутузов советовался с ним, как со своим другом и помощником. Борис Дру别цкой был человеком другого склада. Свою адъютантскую службу он рассматривал как тёплое местечко, где можно отсидеться от грома пушечных выстрелов и под сенью своего покровителя совершать восхождение по служебной лестнице. Один из этих двух адъютантов – боевой офицер, пользующийся

уважением своих товарищей, другой – честолюбивый карьерист, перед которым заискивали, но которого не уважали.

Не будет особой ошибки, если мы заметим, что эти два типа адъютантов существуют и до сих пор.

Крайне важно, чтобы адъютант был боевым офицером. Именно в этом случае он сумеет найти выход из любого сложного положения. За годы Отечественной войны мы знаем немало случаев, когда адъютанты показали себя в схватках и сражениях настоящими героями. Не щадя своих сил, жизни, они бросались в самую гущу боя для того, чтобы выполнить приказание своего генерала. Они, если это нужно было, принимали на себя командование и вели роту или батальон в бой. Немало из них пали смертью храбрых на поле сраженья, оставив о себе память, как о людях беззаботно и храбро выполняющих суровый воинский долг.

Адъютант – это глаза и уши командира. Если командир, сомневаясь в полученных сведениях, послал адъютанта проверить эти данные, - он может быть спокоен: раз адъютант доложил, значит так оно и есть, словно командир сам побывал на месте, сам всё увидел собственными глазами.

Был случай, когда генерал, руководивший операцией, не смог установить связь с дивизией, прорвавшей оборону неприятеля. Посланные офицеры связи не вернулись. Тогда генерал послал своего адъютанта капитана Рыбакова. Он отправился на танке в разведку, связался с командиром дивизии, узнал обстановку и вернулся к себе, доставив своему генералу необходимые сведения. Он вышел из машины, шатаясь от усталости, кровь струилась по его лицу, рана, полученная в бою, терзала и мучила его, но он понимал, что воинский долг исполнен. А для военного человека нет ничего более радостного, чем ощущение исполненного долга. Генерал умело воспользовался данными, доставленными адъютантом. Немцы на этом участке фронта были разгромлены и отступили. Скромный капитан Рыбаков ощутил себя участником этого победного сражения.

Старший лейтенант Калачёв служит адъютантом у начальника штаба. Штабная работа – дело сложное. Начальник штаба соединяет в своей работе холодный ум математика и творческое вдохновение, строгий расчёт и боевой риск, его землянка нередко напоминает кабинет учёного, где истина постигается путём сложных анализов. Адъютант начальника штаба – это его память, его глаза. Адъютант старший лейтенант Калачёв хорошо усвоил штабную службу, великолепно знает карту местности, где действует его армия. Он часто бывает на передовых позициях, знает всё, что делается в полках и дивизиях, и всегда имеет под руками необходимые сведения для текущей работы

своего начальника. Старший лейтенант Калачёв пока что не совершил никаких подвигов, о которых бы писали в газетах или бы рассказывали на собраниях. Его работа скромна и с виду неприметна, но он благодаря своей аккуратности, методичности является ценным помощником начальника штаба. И когда армия, в которой служит старший лейтенант Калачёв, одерживает успех, он испытывает законное чувство творческого удовлетворения.

Такие командиры, как Рыбаков и Калачёв, несущие свою адъютантскую службу с настоящим достоинством и пониманием дела, пойдут вперёд. Сегодня они адъютанты, а завтра им могут вручить командование батальоном или полком, и они справляются со своим делом. Адъютантская служба для них – этап дальнейшего роста. Ведь если генерал извлекает необходимую пользу из деятельности своего адъютанта, то в свою очередь и адъютант учится у генерала и приобретает тот необходимый опыт офицера, какой принесёт ему немалую пользу в самостоятельной командирской работе.

<...>

ПИСЬМА И ВОСПОМИНАНИЯ О ВЛАДИМИРЕ КАЛАЧЁВЕ

Письмо генерала П.И. Кокарева отцу В.С. Калачёва – С. М. Калачёву.

1 декабря 1943 года.

Товарищ Калачёв Степан Митрофанович.

Прошу сообщить, где в настоящее время находится Ваш сын Владимир Степанович. По моим данным, он был ранен 25 июля и направлен в госпиталь, но в какой – мне не известно. Думаю, что он, видимо, уже поправился.

Уважающий Вас

П. Кокарев.

Адрес: полевая почта № 97663.

Кокарев П.И.

Письмо генерала П.И. Кокарева отцу В.С. Калачёва – С. М. Калачёву.

22 декабря 1943 г.

Уважаемый т. Калачёв С.М.

По наведённым мною справкам известно, что Ваш сын Владимир 25 июля сего года, будучи тяжело ранен в бою, умер от ран и похоронен на поле боя. Должен Вам сообщить, что Владимир, будучи со мною вместе на службе, был образцовым, храбрым и примерным офицером нашей доблестной Красной Армии. После перевода его на другую работу он и там показал себя отличным воином нашей Красной Армии и геройски погиб в бою с ненавистными фашистскими полчищами за нашу прекрасную Родину.

Вечная память героям, павшим в борьбе за свободу и независимость нашей Родины.

Смерть немецким захватчикам.

С боевым приветом

П. Кокарев.

Письмо Галины Н. родителям В.С. Калачёва от 6 июля 1944 г.

Простите, я не знаю Вашего имени и отчества, поэтому и начало моего письма будет немного необычным.

Два дня тому назад получила от Вас письмо. Только за день перед этим мама меня спрашивала, что так долго от Лидушки* нет писем, а потом разговор и на Володю перешёл (ведь мама со мной в одной армии была, поэтому она хорошо его знает), долго

мы вспоминали и говорили о нём. Вполне Вам верю, что он был очень хорошим сыном, так как он вообще был немного необычным и непохожим на других, и был лучше многих.

Вы боитесь, что меня беспокоите. Меня это даже обидело. Я с большим удовольствием сделаю для Вас всё возможное и всё зависящее от меня. Разузнаю всё дней через 5-6 не раньше, так как я сейчас сдаю экзамены, и к числу 25 напишу Вам обо всём, что мне удастся узнать.

Почему же Лидушка не пишет? Она так и не ответила на моё письмо, а я переболела малярией, потом зачёты, экзамены, просто не до писем было. Неужели у неё совсем времени нет? Вы ей передайте, что я очень огорчена её молчанием.

На лето я, наверное, никуда не поеду. Может быть, получу вызов из Ленинграда, тогда вот к осени туда переберусь. Пока ещё это желание и насколько оно осуществимо очень неясно.

Скоро напишу Вам ещё, а пока крепко Вас всех целую.

Галия.

* Лидушка – Лидия Степановна Калачёва (Андреева), младшая сестра В.С. Калачёва.

Письмо Галины Н. родителям В.С. Калачёва от 25 июля 1944 г.

Дорогие мои, не буду долго оправдываться за своё молчание, хотя причин ему много. Внезапно возобновились приступы малярии, поэтому целую неделю с хвостиком пришлось пролежать в постели, а до малярии ещё никак не могла покончить с Институтом. С большим трудом удалось всё-таки избежать лесозаготовительных работ.

Насчёт Володи ходила в бюро потерь, где мне сказали, что списки убитых и пропавших без вести у них общие.

Мне очень тяжело порвать в Вас всякую надежду в отношении Володи, но лучше, кажется, знать тяжкую правду и примириться с ней, чем мучить себя всякими предположениями.

Дело в том, что 22 числа приехал с фронта мой брат, который хорошо знал Володю. Он мне говорил, что из разговора начальника штаба армии слышал о смерти его. Этот начальник штаба очень любил Володю и поэтому он о его судьбе осведомлён лучше, чем кто-либо, и ему можно верить.

Вы не сердитесь на меня за то, что я так прямо и, может быть, грубо рву в Вас последние надежды, но мне кажется, так лучше для Вас. Весьма возможно, что скоро

после того, как я опущу письмо, я буду жалеть об этом. Но сегодня я пишу это, побуждаемая самыми искренними чувствами к Вам.

Сегодня год, ровно год, со дня смерти Володи. Я вспоминаю о нём вместе с Вами, слишком он уж хорош и чист был душой и своими поступками.

Простите ещё раз, что я так пишу о нём. Вам от моего письма, наверное, ещё тяжелее будет. Только не надо падать духом. У Вас есть ещё дочь, наверное, такая же сердечная и хорошая, как Володя. Она мне писала, что уезжает от Вас, но это ненадолго. Скоро кончится война, будете вместе, может быть, и я как-нибудь, будучи проездом, загляну к Вам.

Пишите мне, я буду очень рада поддерживать с Вами связь.

Крепко Вас всех целую.

Гая.

**ПИСЬМО В.К. РЕШЕТЬКО, БЫВШЕГО КОМАНДИРА ВЗВОДА
320-го СТРЕЛКОВОГО ПОЛКА 11-й СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ,
УЧАЩИМСЯ ГПТУ № 23**

Здравствуйте, уважаемые Серёжа, Тамара Николаевна, следопыты-учащиеся группы № 5!

Поздравляю Вас с наступающим праздником Советской Армии!

Желаю Вам крепкого атлетического здоровья, отличных успехов в учёбе и творческом труде. Пишет Вам бывший командир взвода 320 стрелкового полка 11 стрелковой дивизии. Очень приятно сознавать Ваши неутомимые поиски погибших в боях за нашу Родину – защитников Ленинграда. Ваше письмо помогло вспомнить некоторые подробности ожесточённой битвы в районе Синявино.

С Калачёвым Владимиром Степановичем лично я не встречался. Вспоминаю, о его гибели в то время говорили долго и с сожалением. В каком месте он погиб, точно не помню, но, очевидно, в районе (предполагаю) шестого посёлка, <...> тогда в этом районе шли ожесточённые бои.

Стихи Владимира Степановича печатались в нашей дивизионной газете. Мои товарищи лейтенанты Кузьмицкий Георгий и Ваня Чивриков писали стихи (одно стихотворение Кузьмицкого напечатано в газете), в то время многие пробовали свои силы. Кузьмицкий и Чивриков приглашались на слёт или собрание корреспондентов, очевидно, тогда (в начале лета 1943) Чивриков и Кузьмицкий встречались с Владимиром Степановичем.

К сожалению, Ваня Чивриков, убит 6 февраля 1944 года под Нарвой, а Кузьмицкий – 14 марта 1945 года под Данцигом.

На схеме Синявинского участка и места боёв 320 с.п. 11 с.д. возможны ошибки или неточности, но незначительные.

Если есть у Вас стихи Калачёва В.С., прошу, пришлите мне. Передайте привет Елене Степановне.

Подробные сведения о Калачёве Вам могут сообщить бывший редактор дивизионной (11 с.д.) газеты “Красное знамя” майор Савельев (адреса не знаю), начальник политотдела 11 с.д. полковник Вексллярский А.З. (адрес знает брат Вани Чиврикова – Чивриков Михаил Васильевич, учитель – г.Гагарин Смоленской обл., ул. Гагарина 79-а, кв. 47, индекс 215010. Он же знает адреса офицеров 320 с.п. 11 с.д., возможно, знаяших лично Калачёва В.С. (Осипов, Игнатенко, Цивликов). Обратитесь в совет ветеранов 11 с.д.

Решетько В.К.

1975 г.

СМИРНОВ Ф.Г. ,
ВЕТЕРАН 11-Й СТРЕЛКОВОЙ ВАЛГИНСКОЙ
ДИВИЗИИ, ЕЁ ЛЕТОПИСЕЦ

БОИ В РАЙОНЕ СИНЯВИНА ЛЕТОМ 1943 ГОДА

(ИЗ ЛЕТОПИСИ 11-Й СТРЕЛКОВОЙ ВАЛГИНСКОЙ ДИВИЗИИ)

17 июля 1943 года наша дивизия вошла в состав войск 67-й Армии, составляла второй эшелон 43 стрелкового корпуса и готовилась к боям.

На Синявинских высотах и в лесах за нами - гитлеровцы, а в болотах на открытой низменной местности наши войска. Единственная соединяющая Ленинград со страной железная дорога, что проложена после прорыва блокады по берегу и болоту вдоль приладожских каналов продолжает действовать по уплотнённому графику и только в ночное, тёмное время. За ночь проходит до тридцати составов.

Враг, надёжно укрытый в своих траншеях и укреплениях на склонах высот, хорошо видит внизу перед собой каждый наш танк, вязнувший в проклятом болоте, каждую огневую точку и почти каждого бойца... «Чёртовы высоты» - так называли их наши бойцы.

Под склонами Синявинских высот всё болото ещё до войны было изрыто торфоразработками. Глубокие, выше роста человека, выемки-котлованы, откуда вынимали торф, заполнены грязной, илистой кашеобразной гущей, покрытой тиной. Эта тина, как самая злайшая трясины, засасывает каждого, рискнувшего вступить в неё. Попался в неё – верная смерть. В такой непролазной местности передвигаться на десятках квадратных километров можно по узким, часто только в метр шириной, перемычкам и по разбитой колее бывшей узкоколейки. Даже в мирное время это пространство считалось почти непроходимым. Заброшенное, полное комаров, забытое, как говорили, Богом и людьми место. А сейчас в нём многие тысячи наших людей, штурмующих засевшего на высотах врага.

Жара, болотные испарения и постоянно тлеющий от пожаров торф, вызывает рвоту. За неделю тлеют и расползаются гимнастёрки.

В соответствии с указанием Ставки 22 июля перешли в наступление войска 55-й и 67-й Армии Ленинградского фронта и 8-й Армии Волховского фронта. Основная цель – окончательно сорвать попытку врага организовать наступление на Ленинград, сковать его войска и не позволить перебрасывать силы на центральный участок, перемолоть в боях части и соединения 18-й немецкой армии и создать условия для последующего её разгрома.

Исключительно мужественно сражались воины 67-й Армии.

21 июля к 22.00 части нашей дивизии вышли в район сосредоточения: полки 320-й и 163-й - северо-западнее рабочего посёлка № 1, полк 219 - северо-восточнее этого посёлка. <...>

В ночь на 25 июля, сменив подразделения 43-й и 54-й гвардейских дивизий, 163-й и 219-й стрелковые полки заняли исходное положение для наступления с целью овладеть узлом сопротивления - “треугольник”. 320-й стрелковый полк составлял второй эшелон дивизии.

Утром, после сорокапятиминутной артподготовки, дивизия перешла в атаку. Первая атака была дружной.

В результате дневного боя наши части вышли на следующие позиции: правый фланг 163-го полка продвинулся южнее треугольника железных дорог, 159-я штрафная рота - на южную сторону железной дороги.

Левым флангом полк вклинился в северную часть опорного пункта-16. В полосе 163-го полка подбит один танк “Тигр”. 219-й полк правым флангом достиг стыка железных дорог, что юго-восточнее рабочего посёлка № 6. Левым флангом 160-я

штрафная рота и 3-й стрелковый батальон достигли северной стороны шоссе на участке северо-восточнее отметки 8,0. <...>

Овладев треугольником железных дорог, выйдя на шоссе в Синявино, полки понесли большие потери в живой силе.

26 июля повторная атака успеха не имела. <...>

27 июля произведена перегруппировка частей дивизии. Начал последовательно вводиться в бой 320-й стрелковый полк. <...>

28 июля полк отбивал контратаку противника.

31 июля в 12 часов противник предпринял атаку крупными силами в стык 320-ого стрелкового полка с 45-ой Гвардейской стрелковой дивизией и начал обтекать 1 и 3 роты 320-го полка и роты УРА.

Командир 320-го полка майор Толоквадзе К.П. фактически растерялся и потерял управление полком. В результате противник отрезал 1-й и 2 –й стрелковые батальоны. 2-й батальон радиовал из “треугольника”, когда там была уже катастрофическая обстановка. И несмотря на это, командование полка проявило нерешительность в действиях. 3-й стрелковый батальон поротно бросался в бой на выручку окружённым, но успеха не имел. Часть 2-й роты, прибывшая к окружённым батальонам, разделила их участь. Противник дробил окружённые подразделения на части и сжимал кольцо окружения. Наши воины, даже будучи ранеными, оказывали упорное сопротивление, но вырваться из кольца окружения не могли. Враг продолжал рассекать подразделения на мелкие группы, которые уничтожались массированным автоматно-миномётным огнём противника. Капитан Болдырев, видя безвыходность положения, вызывает огонь “катюш” на себя. На этом связь с окружёнными прервалась. Бойцы и командиры погибли смертью храбрых героев.

2 августа из остатков подразделения 320-й стрелковой дивизии создана рота в составе 107 человек и передана в 163-й стрелковый полк. Остальная часть 320-го полка введена в резерв КСЛ. На следующий день наша дивизия сдала свой участок 286-й стрелковой дивизии и вышла к тому месту, где находилась до вступления в последний бой, - к берегу Ладожского озера.

На передовой остались команды по сбору оружия и для захоронения убитых бойцов и командиров.

КУЗНЕЦОВ В.А.,
РЕДАКТОР ФРОНТОВОЙ ГАЗЕТЫ
«ОТВАЖНЫЙ ВОИН».

ВОСПОМИНАНИЯ О ПОЭТЕ И ВОИНЕ В.С. КАЛАЧЁВЕ

(Записаны Т.Н. Тиховой В 1985 году)

Владимир Калачёв и тогда был настоящим поэтом. Я был убеждён, что он не пройдёт незамеченным в русской литературе. После войны я интересовался и смотрел в газетах, не встречаясь ли его публикации. Искал его имя в справочниках и в энциклопедии. Но его имени нигде не было, поэтому я почувствовал, что Владимир Калачёв не вернулся с войны. О его гибели я узнал впервые только в этом году от фронтового товарища Ф.Г. Смирнова, которому сообщила об этом недавно Т.Н. Тихова.

Войну я встретил в Москве, когда сдавал экзамены на литературном факультете педагогического института им. Ленина. Весь институт вместе с преподавателями пошёл в народное ополчение. Это была Пятая дивизия народного ополчения. В ноябре 1941 года наша дивизия, вместе с большинством других таких же дивизий, попала в окружение. Наша дивизионная газета выходила тогда под названием «За отчество». Небольшому числу редакторов удалось выйти из окружения, потом на базе этой газеты и возникла газета «Отважный воин». Она была отдана 20-й Ударной армии и переброшена на Волховский фронт, зимой 42 года участвовала в прорыве блокады. Редакция почти полностью погибла в ночь на 24 июня при выходе из окружения: из 33 человек вышло из окружения 6 человек. Тогда наших воинов погибло 20 тысяч.

Из политотдела в живых остался только один человек, поэтому я был назначен начальником партийной комиссии при политотделе, которая должна была выяснить, сколько людей вышло из окружения и кто погиб. Погибло 20 тысяч, вышло только 2 тысячи. Прорывались через узкий коридор шириной всего 200 метров. Армия сражалась до последнего солдата. Люди пухли от голода, не могли встать на ноги, но если голова работала, то они стреляли до последнего патрона.

После прорыва редакция газеты «Отважный воин» пополнилась новыми редакторами, появился ряд новых имён: Это Сергей Наровчатов, Михаил Дудин, О. Бергольц, работала наездами В. Кетлинская. Возможно, с Калачёвым встречался С. Наровчатов, он только тогда ещё начинал. А. Прокофьев называли тогда «ладожским соловьём-разбойником».

Осенью 1942 года началась Синявинская операция, армия была переброшена под Ладогу, новое наступление не закончилось прорывом блокады. 11-й армии Манштейна был дан приказ покончить с Ленинградом, и она вступила в бой со 2-й Ударной армией. Манштейн израсходовал все свои силы и не смог наступать на Ленинград. Обе армии полегли. Последняя попытка овладеть Ленинградом была предпринята немцами в январе 1943 года, и только в январе 1944 года была окончательно снята блокада.

В это напряжённое время и выходила газета «Отважный воин», в которой печатался В. Калачёв. Надо сказать, что редакция с большим уважением относилась к нему. Это чувствовалось по тому, что печатали его стихи на второй странице, подписывали «Владимир Калачёв», отмечали стихотворение особым рисунком. Художником работал в газете скульптор Вучетич, начал он с дивизии народного ополчения ещё под Москвой

14 марта 1943 года было напечатано первое стихотворение Владимира, 4 апреля - стихотворения «Знамя» и «Разведчик» – с особой заставкой, 16 мая – стихотворение «Боец», 3 июля – «На переднем крае», а 15 июля, то есть за 10 дней до гибели Владимира, было напечатано стихотворение «Пулемётчик». Оно было подписано «Старший лейтенант Владимир Калачёв», чувствуется - автор очень гордился, что ему было присвоено новое воинское звание. 1 сентября в газете было напечатано последнее стихотворение «Коммунист». Ещё тогда никто из нас не знал, что это стихотворение Владимира опубликовано посмертно.

Елена Степановна Калачёва – сестра В.С. Калачёва
(1953 г.)

Е.С. КАЛАЧЁВА

ВОСПОМИНАНИЯ О БРАТЕ

Владимир Степанович Калачёв родился 3 ноября 1918 года в деревне Квасюнино Шекснинского района Вологодской области в многодетной крестьянской семье Степана Митрофановича и Надежды Феофановны. Он был средним сыном. Кроме него, в семье воспитывались старший брат – Анатолий, умерший от воспаления лёгких в 1933 году, младший брат – Николай, ставший впоследствии офицером, и две сестры – Елена и Лидия.

Учился Володя сначала в начальной школе в своей деревне, затем в семилетке – в селе Чаромском, а после переезда семьи в город – в 1 школе города Череповца.

Володя очень рано начал читать. Книги брал у деревенских книголюбов Тихомировых, родственников по матери, у которых была хорошая библиотека. Сам Александр Тихомиров и его старший сын любили сочинять стихи, за что и пострадали в конце тридцатых - начале сороковых: отец по доносу был осуждён по политической статье и умер в тюрьме, а сын-инвалид, оставшись без родителей, умер с голода в войну.

Большое влияние на развитие поэтического дара Володи оказала его мать, Надежда Феофановна. Несмотря на то, что мать училась в школе всего год, она очень много читала, обладала богатейшей памятью, много знала сказок, песен, частушек, поговорок. Позднее она вспоминала о том, как её сын-дошкольник пытался складывать стихи и уже тогда обнаружил умение образно мыслить и выражаться, о чём свидетельствуют, например, такая его поэтическая миниатюра: «Телефон бежит домой, тросткой подпирается». Вообще, в детстве Володя жил в среде образного, меткого народного слова. Языковое богатство крестьянской речи он мог воспринимать не только у себя в семье, но и общаясь с родственниками. Особенно одарённой в этом отношении была семья его дяди – Андрея Феофановича и Ульяны Ивановны Вальковых. Их сын Юрий был лучшим другом его детства и тоже писал стихи.

Особая культурная атмосфера в семье Володи складывалась также, благодаря плодотворному влиянию семьи другого дяди Владимира – Ивана Феофановича Валькова.

Дядя работал учителем сначала в учительской семинарии в Череповце, а после революции в педучилище. В детстве его, как одарённого деревенского ребёнка, поддержали народные учителя, помогли ему (в том числе и материально) получить высшее образование – подготовили для поступления в Московский университет, который он успешно закончил. Женился он на дочери генерала Николая Аполлоновича Астахова – Наталии Николаевне, имеющей прекрасное филологическое и музыкальное образование. Каждое лето эта семья гостила у Надежды Феофановны, и Володя подружился на всю свою короткую жизнь со своими двоюродными братьями – Сергеем и Кириллом, которые тоже писали стихи. Им он посвятил несколько своих отреческих стихотворений.

В начальной школе Володя увлекался чтением литературы и историей. Со школьными товарищами он выпускал стенгазету «Юный поэт», редактором которой был, конечно, он сам. В 5-6 классах он мог задавать такие вопросы учителям, которые далеко выходили за рамки школьной программы. А вот по математике знания у него были куда слабее.

За нашим домом был густой осинник. Володя прямо на дереве сделал себе «домик». Там он сидел часами и читал Лермонтова, Пушкина, Никитина, Кольцова и сам сочинял стихи.

Как я уже упоминала, Володя был особенно дружен со своим ровесником двоюродным братом Юрием, сыном дяди Андрея. За деревней протекала река Игайка, заросшая кустами. Там, на её берегу, «в кустиках», как они говорили, и играли друзья целыми днями. У них была там своя «тайна»: они закопали там свой «клад», в который они положили свои детские стихи, безделушки-игрушки и «завещание» людям, которые должны были найти этот клад через 50 лет после их смерти.

В тридцатые годы наша семья очень бедствовала, организация колхоза чужими людьми обездолила крестьян, лишила скота и земли. Наш отец, Степан Митрофанович, перед самой коллективизацией решил строить новый дом, так как большой семье в старом доме стало тесно. Разобрал летнюю часть дома, осталась только маленькая зимовка – тут и началась неожиданная и насилиственная коллективизация. Лишись лошади и материальных средств, без которых о строительстве не могло быть и речи. Так и пришлось последние пять лет жизни в Квасюнине ютиться в тесной зимовке семерым. А когда уезжали из родной деревни в город, продали всё, что осталось от родного дома, за пуд ржи.

Иван Феофанович Вальков решил помочь сестре и в 1935 году взял к себе Володю. В 1936 году переехали и остальные члены семьи, кроме Степана Митрофановича, которого, во-первых, не отпускали из колхоза, а, во-вторых, ему и самому было страшно тяжело

расстаться с вековечным крестьянским трудом на земле, унаследованным от многих поколений предков. Правда, через год и он всё-таки соединился с семьёй в городе. В те годы Володя очень тосковал по родной деревне, что и нашло отражение в его стихах.

После окончания 7 классов в 1936 году Володя поступает в Череповецкое педучилище. Мать работала уборщицей в общежитии педучилища, и мы жили всей семьёй в одной комнате этого общежития. Помню, как мы радовались, после колхозной голодовки, что теперь у нас в тумбочке не переводится хлеб и сахарный песок. Мы тогда ещё не знали, что ещё более страшный голод нам предстоит пережить во время грядущей войны.

Здесь, в педучилище, в общежитии, у Володи появилось много друзей. Они собирались вместе в одной студенческой комнате, читали и обсуждали свои и чужие стихи, спорили, пели песни.

Володя среди своих друзей, и вообще среди всех, кто его знал, пользовался авторитетом. Его все любили. Он покорял всех своим твёрдым характером, прямотой, непримиримостью к несправедливости. Самостоятельность у него проявлялась во всём. Увлекаясь, он увлекал и других. В это время он особенно много написал стихотворений. Жажда поэзии у него была великая. Увлекались поэзией и писали стихи и его двоюродные братья - Сергей и Кирилл Вальковы. Вместе, втроём, они «издавали» рукописный поэтический журнал.

В связи с тяжёлым материальным положением семьи, Володе пришлось оставить учёбу в педучилище и пойти работать учителем начальных классов сначала в Ульяновской, а затем в Носовской школах Череповецкого района. Потом он стал учить в школе взрослых в связи с кампанией по ликвидации неграмотности.

В это время Володя много работал по ночам. Раньше 3 часов ночи никогда не ложился спать, а перед сном прикреплял над своей кроватью записку для матери: «Разбуди меня завтра рано».

В.С. Калачёв ведёт занятия в школе взрослых (в ликбезе)

Брат продолжает заниматься самообразованием, читает классическую литературу, на скучные гроши покупает книги, собирает свою маленькую поэтическую библиотеку. Особенно он преклоняется перед Есениным, посвящал ему свои стихи. У него даже есть поэма «Анна Дементьевна», записанная в тетради на 49 страницах. Уже название говорит о том, что Володя подражал С. Есенину, его «Анне Снегиной».

В 1939 году Владимира призывают в армию. Ему повезло. Служил он все два года до начала Великой Отечественной войны в Москве. Здесь он посещает литературные вечера, лекции, Ленинскую библиотеку (читательский билет перед отправкой на фронт он прислал домой).

Когда Володя уезжал в армию, все свои книги и стихи он уложил в деревянный сундучок малинового цвета и просил ничего не трогать до его возвращения из армии. Разрешалось открывать сундучок только младшему брату Коле (он младше Володи на десять лет).

Зная, как Володе все это дорого, с какой любовью он собирал книги, а книги все были исключительно поэтическими, мы хранили сундучок, пополняли его материалами и книгами, которые он сначала присыпал из Москвы, а потом с фронта. После гибели Володи этот сундучок стоял закрытым и ждал своего хозяина несколько лет после войны, но так и не дождался.

В начале Отечественной войны Володя был направлен из Москвы на Волховский, а затем на Ленинградский фронт. Как впоследствии мы узнали, благодаря поиску краеведов – учителей и учеников ГПТУ № 23 и школы № 26, он воевал в 11-й стрелковой Валгинской дивизии. Его жизнь на фронте в 1941-1942 годах хорошо отражена в письмах его любимой девушке Соне Стубедо, с которой он переписывался все армейские и фронтовые годы – с 1939 по 1943. Его фронтовые дни и события нашли также отклик в письмах к нему известных русских поэтов, с которыми Володя познакомился на фронте лично или заочно по переписке.

Узнали мы, родственники, о том, как служил Володя в армии, и из статьи «Командир и адъютант» известного московского журналиста Кружкова Н., напечатанной в газете «Красная Звезда» от 2 апреля 1943 г.

На фронте Володя продолжал писать стихи и мечтал о большой поэзии. Печатал он свои стихи, судя по сохранившимся газетным вырезкам, во фронтовой красноармейской газете «Отважный воин». Встречался и переписывался на фронте с ленинградским поэтом Всеволодом Рождественским, получал письма от Николая Асеева, Павла Антокольского, Александра Прокофьева и других.

Однажды, во время войны, Володе представился случай ехать в служебную командировку мимо Череповца. Ему было разрешено заехать домой на три дня. Родные были очень рады его неожиданному приезду. Но смотрят, к вечеру на второй день Володя начинает собираться. Мать в недоумении спрашивает: «Володя, ты куда?» Он отвечает: «Мама, ехать надо! Люди за Родину дерутся, умирают, а я тут дома задерживаюсь. Не могу!» И уехал. А надо сказать, он был любящим, заботливым сыном и братом. Вот насколько он был патриотом своей Родины.

Погиб Владимир в жестоком бою около п. Синявино 25 июля 1943 года.

Известие о гибели Володи родители переживали очень тяжело. Я и моя сестра Лидия были тогда тоже на фронте. С ними оставался только самый младший сын – Николай, который тогда ещё учился в школе. Мать до самого 1956 года не хотела хлопотать о пенсии за сына – так она его ждала и надеялась, что сын её избежал гибели и вот-вот вернётся.

Надежда Феофановна Калачёва - мать
В.С. Калачёва с младшим сыном
Николаем Степановичем Калачёвым

Сын не вернулся. А я, сестра Владимира, уже через двадцать лет после окончания войны решила обратиться к журналистам за помощью. И мне помогли добрые русские люди возродить память о Владимире в сердцах близких и дальних. В одном из своих стихотворений он писал:

Хочу, чтоб в близких и далёких
Осталась память обо мне.

Начиная с 1965 года, его стихи и письма неоднократно публиковались в местных газетах «Коммунист», «Красный Север», «Вологодский комсомолец», в центральной газете «Красная Звезда», в журналах «Север», «Литература в школе» и в книге В.М. Малкова «Голоса сурового времени». Со многими из журналистов я подружилась, как подружилась и с учителями - Тамарой Nikolaevnой Тиховой, Маргаритой Nikolaevnой Федяновой, Татьяной Сергеевной Ивановой, которые собирали материалы о Владимире, устраивали в своих школах музеи и на протяжении многих лет знакомили своих учеников

с Владимиром, читали его стихи и письма, встречались с его родственниками. На его примере они учили молодое поколение любить Родину, русское слово и быть мужественными.

1990 г.

ПИСЬМА ВСЕВОЛОДА РОЖДЕСТВЕНСКОГО МАТЕРИ И СЕСТРЕ В.С. КАЛАЧЁВА

Письмо от 11 января 1959 г. матери В.С. Калачёва.

Уважаемая Надежда Феофановна!

На днях мне передали из «Звезды» Ваше письмо, которое очень меня взволновало, и я жалею о том, что не имел возможности сразу же Вам ответить.

Конечно, я вспомнил Вашего сына, Владимира Калачёва, и наши с ним беседы о стихах. Это был юноша светлой души, горячо любивший поэзию и несомненно одарённый. Его стихов, обращённых ко мне, я не знал. Я прочёл их с вполне понятным волнением и чувством неизгладимой печали ...

Конечно, хочется сделать что-либо достойное его светлой памяти.

Вы пишете, что у Вас сохранилась его записная фронтовая книжка со стихами. Как было бы хорошо, если бы Вы переписали и прислали мне эти стихи. Может быть, удастся что-либо из них напечатать, присоединив краткую заметку об авторе и об обстоятельствах его гибели. Наши ленинградские журналы – «Звезда» или «Нева» должны были бы заинтересоваться таким материалом.

Очень и очень жалею я о том, что не получил Вашего письма несколькими месяцами раньше. Дело в том, что у нас в Ленинграде (Да и в Москве) подготовлялись сборники фронтовой поэзии, куда можно было бы без особого труда ввести и стихи Владимира Калачёва. Но сейчас, к сожалению, это уже поздно.

Всё же напишите мне всё, что найдёте нужным, о Вашем сыне, а, главное, пришлите его стихи. Постараюсь сделать всё, что возможно.

С искренним сердечным уважением

Вс. Рождественский.

Письмо от 29 января 1959 г. матери В.С. Калачёва.

Уважаемая Надежда Феофановна!

Я получил присланную Вами тетрадь со стихами Владимира Калачёва. Внимательно прочитав её, я убедился в том, что сын Ваш, безусловно, был человеком литературно одарённым, и, если бы суждено ему было остаться в живых, мог бы плодотворно работать

в любимой им области – в литературе. Он только начинал свою творческую дорогу и не успел ещё приобрести нужные для этого трудного дела знания и опыт, но и по тому, что осталось от него, можно заключить о его несомненных способностях.

Очень хорошо, что Вы сообщили мне краткие сведения о его жизни. На основании их я постараюсь составить краткую предварительную заметку и, отобрав несколько наиболее зрелых его произведений, предложу их в один из Ленинградских журналов, скорее всего в «Неву».

Может быть, удастся что-либо сделать ради его светлой памяти.

С уважением

Вс. Рождественский.

Письмо от 6 января 1974 года сестре В.С. Калачёва.

Уважаемая Елена Степановна!

Я бесконечно тронут и Вашим письмом, и номером Вологодской газеты, где напечатана подборка из фронтовых писем Вашего брата Володи, геройски погибшего в 1943 г. под Синявином. Хорошо помню и его, и те юные стихи, которые он мне читал.

Письма его настолько интересны, значительны по содержанию, по передаче общего настроения тех незабываемых дней, что хотелось бы дать им вторую жизнь на страницах нашей печати – ради его светлой памяти и в поучение молодёжи, имеющей в настоящее время его тогдашний возраст.

Постараюсь сделать всё, что возможно.

С приветом и признательностью

Вс. Рождественский.

ПИСЬМА ВОЛОГОДСКОГО ЖУРНАЛИСТА В.М. МАЛКОВА

Е.С. КАЛАЧЁВОЙ

Письмо от 27 февраля 1979 г.

Уважаемая Елена Степановна!

Большое Вам спасибо за письмо. Да, с Тамарой Николаевной мы уже обменялись несколькими письмами по поводу материалов о Вашем брате В.С. Калачёве. Меня очень заинтересовали его письма с фронта и его стихотворения. Хотелось, чтобы его имя было увековечено в нашей краеведческой литературе.

Вы спрашиваете, каковы мои планы по этому вопросу. В готовящейся к изданию книге «Голоса сурогого времени» (По следам героев, подвигов и событий) хотелось бы дать обстоятельный очерк и о В.С. Калачёве. С публикацией о нём Л. Мелкова в «Красном Севере» я знаком. Но моя задача несколько иная. Хотелось бы полностью воспроизвести письма как документы фронтового времени. Само собой разумеется, с соответствующими комментариями и рассказом об авторе. Так готовятся и другие очерки.

К Тамаре Николаевне я обращался с просьбой сверить текст писем В.С. Калачёва, который прислали в редакцию, очевидно, из музея. В письмах нет дат, и неизвестно, кому адресованы они. А это очень важно.

<...> С В.С. Калачёвым мы были на одном фронте и почти в одно и то же время. Фронтовая обстановка под Ленинградом мне хорошо известна. Хотелось бы сказать о нём доброе слово. Буду очень Вам благодарен, если Вы окажете помощь в создании очерка. Это нужно не столько лично для меня, сколько для истории.

С глубоким уважением

Вл. Мих. Малков.

Письмо от 23 апреля 1979 г.

Здравствуйте, Елена Степановна!

Бандероль и Ваше письмо от 16 марта получил. Большое спасибо. Материалы очень интересные. С удовольствием прочитал в «Красной Звезде» очерк «Письма с фронта». Здорово написано, с душевным настроем. Порадовала меня и публикация «Письмо Н. Асеева». Это важный и интересный документ, который показывал, как маститый поэт внимательно отнёсся к стихам начинающего поэта.

<...> Раздумывая о судьбе полученного материала, считаю, что его следовало бы опубликовать отдельным сборником с обстоятельной вступительной статьёй какого-то известного поэта или критика, и соответствующими комментариями. Составителем следует выступить, конечно, Вам. Не пытались ли Вы что-то предпринять в этом плане? Знаю, что такую книжку издать не легко. Издательские возможности сейчас очень ограничены. Потому-то, на мой взгляд, отступил и Л. Мелков. Как мне кажется, он мог бы подготовить такую книгу при Вашей помощи. Но у него теперь другие заботы. Работая в Вологде, он отдал свою дань Володе. Спасибо ему за это.

Не пытались ли Вы устроить подборку стихов Володи в какой-то журнал? Что из этого получилось? Публикация могла бы получиться интересной, но опять-таки при содействии кого-то из имущих власть. При встрече с С. Викуловым и В. Дементьевым поговорю об этом. Не знаю, как они отреагируют. Поживём-увидим.

Ещё раз благодарю Вас за всё. Хотелось бы оправдать Ваши надежды. Но ведь не всегда удаётся осуществить то, что намечаешь. Пробиться сквозь издательские рогатки очень и очень трудно. Кто-кто, а уж я-то это хорошо знаю.

Сердечно поздравляю Вас с наступающим весенным праздником - Первомаем, Днём печати и Днём Победы. Желаю Вам всего самого доброго.

С глубоким уважением и признательностью

Вл. Малков.

Письмо от 3 июля 1979 г.

Дорогая Елена Степановна!

Только что я получил рукопись и Ваше письмо. Большое спасибо. Я уж, было, начал волноваться, что долго не было от Вас весточки. Все Ваши замечания учту. Не трудно это сделать. Ведь я и сам считаю текст ещё неокончательно отделанным. Важно, чтобы рукопись поотлежалась. Потом кое-что усилию. Хочется поглубже вникнуть в Володины стихи и более ёмко, более весомо сказать о них. В этом чувствую свой промах.

Рукопись книги "Голоса сурового времени" я закончил и отоспал в издательство. Что будет – пока сказать затрудняюсь. Решил предложить статью в журнал "Север". Может быть, напечатают. Вот должен приехать В. Дементьев. Мне хотелось, чтобы он как опытный критик-стихотворец написал о Володе и его творчестве. О результатах наших переговоров сообщу Вам дополнительно. Хорошо, если бы Вы смогли перепечатать все стихи Володи. Ведь без них ни один маститый критик не возьмётся что-либо делать.

Посылаю Вам на память только что вышедшую книгу "Письма с фронта". Очень, очень сожалею, что туда не вошли письма Володи. Слишком поздно я узнал о них. Ведь рукопись была сдана в издательство почти пять лет назад. Из-за ограниченного объёма её пришлось сократить. <...>

Меня как фронтовика, сражавшегося тоже в Синявинском котле, до глубины души волнует судьба В.С. Калачёва – воина и поэта. <...>

Желаю Вам всего самого доброго, а главное здоровья. Не болейте, запасайтесь теплом и энергией.

С уважением и благодарностью за помощь в наших общих делах

Вл. Малков.

Письмо от 27 июля 1979 г.

Здравствуйте, Елена Степановна!

Получил Ваше письмо от 23 июня. Большое спасибо. Спасибо за отзыв на книгу «Письма с фронта». Для меня, как ведущего составителя этой книги, очень важно, что скажут о ней читатели. Сожалею, что в издательстве почти вдвое сократили объём – не хватает бумаги. Сейчас уже встаёт вопрос о переиздании книги в расширенном объёме. Тогда мы обязательно дадим Володины письма и стихи. А сейчас сообщаю Вам, что та статья, которую я Вам посыпал, принятая в журнале «Север». Есть уже решение редакции. Возможно, они дадут полностью десяток стихов в Вашей публикации. На всякий случай, подготовьте подборочку. Очевидно, поместят и фотографию. Копии пока я ещё не сделал – всё отвлекают другие дела. Что касается книги «Голоса сурового времени», то рукопись я сдал уже в издательство. Но какова её судьба – пока не знаю. Думаю, что в конце-концов такая книга должна пробить себе дорогу.

Если будете в Череповце, дайте знать. Если будет возможность и я никуда не уеду, то постараюсь повидать Вас.

Всего Вам самого доброго.

С глубоким уважением

Вл. Малков.

Письмо от 27 апреля 1980 г.

Дорогая Елена Степановна!

Сердечно поздравляю Вас с праздником весны – Первомаем и Днём Победы. Всего Вам самого доброго – здоровья, земных благ, успехов во всех делах.

В майском номере «Севера» должны быть стихи Володи. Сигналов оттуда не было. Очевидно, всё в порядке. Но бывает всякое ...

По местному радио я давал литературную передачу о Володе. Прозвучало здорово. Жаль, что Вы не могли её слушать.

А моя книга «Голоса сурового времени» включены в планы на 1982-й. Там есть очерк о Володе.

<...> С праздничным приветом

Вл. Малков.

Письмо от 9 ноября 1980 г.

Дорогая Елена Степановна!

Большое спасибо за добрую память, за поздравление с праздником Великого Октября. В свою очередь, желаю Вам всего наилучшего, отличного здоровья, успехов во всех делах.

Газеты в ближайшие дни верну ... Да, мне они теперь не особенно требуются. Всё что нужно, использовал в очерке. А снова браться за разработку этой темы вряд ли придётся.

В «Севере» материал пока не поместили. Не знаю, в чём дело. Ведь обещали. Но там всякое бывает. Ответа никакого не присыпали.

Вы спрашиваете, над чем работаю. Закончил рукопись о памятниках воинской славы «Память». Одобрена, но когда выйдет книга в свет – не знаю. Ведь и «Голоса сурового времени» вот уже три года лежат в издательском портфеле. Обещают выпустить в 1982 – м. Дай бы Бог. Вот как ныне трудно печататься. Там будет и известный Вам очерк о Володе.

Всего Вам самого доброго. С глубоким уважением

Вл. Малков.

Попытаюсь ещё продвинуть очерк в «Красный Север» (в сокращённом виде). Не знаю, пойдут ли навстречу.

Письмо от 14 мая 1981 г.

Уважаемая Елена Степановна!

Нет, я не забыл о Вас, не забыл о нашем добром сотрудничестве. Но так уж сложились обстоятельства, что вот уже пять месяцев я тяжело болею, и не в состоянии был выполнить своё обещание. Это письмо тоже пишу из больницы.

Что случилось? Осложнение после гриппа – пневмония. А потом воспаление плечевых нервов. Это уже отдалённое эхо контузии на фронте. Усилия врачей вот уже в течение трёх месяцев не дают положительных результатов. Адские боли. Живу только под обезболивающими уколами.

Из «Севера» не было никаких вестей. А в Севзапиздате готовят рукопись к набору. Книга должна выйти в свет в 1982 году. Там будет очерк и о Володе.

О материалах не беспокойтесь – при первой возможности их вышлю. Надеюсь, что в недалёком будущем всё-таки выкарабкаюсь из больницы.

Спасибо за добрую память и поздравление с майскими праздниками.

С глубоким уважением

Вл. Малков

Желаю Вам всего доброго, а главное здоровья. Только теперь в полную меру я осознал, как оно нужно людям.

P.S. О материалах не волнуйтесь. Вышлю. Обязательно вышлю. Тяжело осознавать, что вот уже почти полгода был не в состоянии что-либо делать – даже писать письма.

**ПИСЬМО Ю. Н. ЧИСТЯКОВА, ДРУГА ЮНОСТИ В.С. КАЛАЧЁВА,
УЧАЩИМСЯ ГПТУ № 23 Г. ЧЕРЕПОВЦА**

Дорогие ребята!

Спасибо за письмо, за начатое вами большое и благородное дело.

Володя Калачёв был таким человеком, которого не только нельзя забывать, но и невозможно забыть. Вспоминаю его с большой любовью и уважением за чистоту сердца, преданность в дружбе, упорство в достижении цели, за воинскую доблесть и способность к самопожертвованию во имя счастья других.

Он был прирождённым лириком. Любил не себя в стихах, а стихи в себе. Только такие и становятся художниками слова.

Кто может не писать стихов, тому и не стоит этим заниматься. Писать должны только те, кто не может не писать. Он принадлежал к числу одержимых, не мыслящих себя вне поэзии. А поэзия – редкое явление. Она – крупинки золота в грудах песка. И добывают это золото неутомимые старатели, каким был и наш Володя. Он любил жизнь, природу, как и положено настоящему лирику. Тут никого не обманешь, ибо подлинность чувства ничем нельзя заменить.

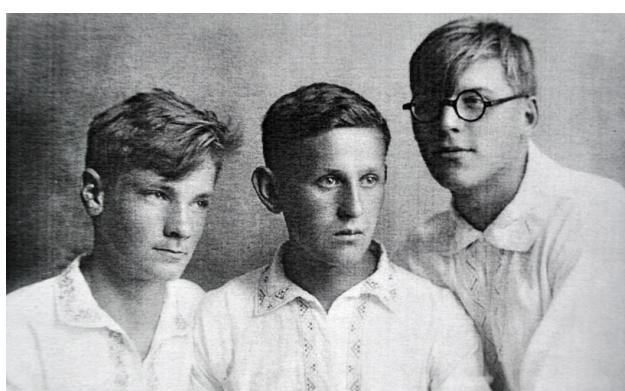
Точную дату нашего знакомства я не припомню. Не могу вспомнить и обстановки, в которой мы познакомились. Когда-то и как-то он оказался рядом со мной, навсегда вошёл в мою жизнь. Как-то «подкрался» ко мне, или я «подкрался» к нему. Возможно, здесь проявилась какая-то особая способность знакомиться, находить людей, близких по духу. И не учились мы вместе никогда, нигде, и жили в противоположных концах города: я – у Соборной горы, на Социалистической улице, он – где-то в конце Советского проспекта, ближе к вокзалу, а не к шекспинской пристани. И старше меня он был на два года, что в ранней юности бывает ощутимо. А вот – познакомились, подружили. Видимо, не ранее 1936 года. Скорее всего, даже в 1937 году. Дело в том, что я начал писать стихи в 1936 году – шестнадцати лет. Точнее – пятнадцати, так как родился 19 ноября 1920 года. Начал сразу с поэмы. Конечно, она была об испанских событиях, о бойцах народно-революционной армии. Называлась «Испания». Отрывки из неё (три колонки ученических стихов) напечатаны были в газете «Коммунист» в том же году. До сих пор храню вырезку из газеты, совсем пожелтевшую. Улыбаюсь, когда на неё смотрю, ибо очень уж пышно писал ученик 9-го класса: «Гремит, звенит двадцатый век...» и т.п. Хотелось тогда греметь и звенеть. Возможно, по этой публикации меня и разыскал Володя. Нашёл, как говорится, собрата по перу.

Учился я в 1-й школе имени Горького (рядом с гортеатром и дворцом труда). В старших классах мы больше увлекались сценой. При доме пионеров была

хореографическая студия, которой руководила Татьяна Николаевна Янсон. Теперь она в Москве. Поставили «Щелкунчика», «Конька-горбунка», «Лебединое озеро». С «Озером» мы, шестьдесят артистов, ездили в Ленинград на областную олимпиаду, где получили первый приз. Тогда, Вологда, Новгород и Псков входили в одну большую Ленинградскую область. В Ленинграде были даны два спектакля – в Летнем саду на Литейном и в Новом театре на Рубинштейна, 13. Это была первоначальная, петиповская редакция балета. Я, помню, выходил на сцену не с луком, а с настоящим карабином, так что лебедям от меня деваться было некуда.

Со школьными друзьями инсценировали «Золотого телёнка». Из-за занавеса, по скату, в зрительный зал с грохотом и дымом выкатывалась фанерная «Антилопа-гну». Возможно, Володя бывал и на наших спектаклях, заинтересовался нами.

В Ленинграде я был ещё и осенью 1937 года – хоронил отца, революционера с «Авроры». Привёз оттуда много букинистической литературы. В основном стихи. Тут были и Хлебников, и Клюев … С Володей мы наладили обмен этой литературой. Общались чаще всего вне дома – гуляли по утопающему в зелени старому Череповцу. А нового тогда не было. Его строительство только началось. Летом 1938 года я закончил десятый класс и уехал в Москву сдавать экзамены в институт, потом снова приехал на некоторое время – в начале учёбы. В 1939 г. был в Череповце на каникулах. Время проводил в основном с Володей Калачёвым и Юрий Кузнецовым. Юра тоже был на каникулах. Он учился в Ленинграде, в Академии художеств. Там он и живёт. Это известный искусствовед, почётный доктор одной из иностранных академий. Работает в Эрмитаже. Тогда мы сфотографировались на память. Снимок я могу прислать. Но он может оказаться и в альбоме сестры Володи. Вы поинтересуйтесь. Все трое – в вышитых рубашках белого цвета, Володя – в центре, слева – Юра, справа – я. У меня на носу круглые очки. Если у сестры Володи этой фотографии нет, я её вам пришлю. Есть у меня ещё открытка коричневого тона: на ней Володя один. Слева по белому полю – штрихи. Думаю, что и этот снимок есть у Елены Степановны. Пока посылаю вам одну небольшую фотографию. Справа был я, но в какой-то кокетливой позе. Поэтому я себя отрезал.

Слева на право: Юрий Иванович Кузнецов, Владимир Степанович Калачёв, Юрий Никанорович Чистяков

Так что два снимка я вышлю, если не окажется у Елены Степановны.

С Володей я потом виделся только раз – в Москве. Было это в конце 1942 года, за несколько месяцев до его гибели. Мы ходили по затемнённому городу, вспоминали общих друзей и знакомых, читали стихи, мечтали о новых встречах после победы над врагом. Я немного знал дочерей генерала Кокарева. Одна из них, кажется, имела какое-то отношение к Литературному институту имени Горького, где тогда ещё я числился студентом. Как-то я даже заглянул на их квартиру у Киевского вокзала (на Студенческой улице), надеясь на ещё одну встречу с Володей, но его уже в Москве не было. У меня сохранились только фронтовые письма двух моих старших братьев, погибших на войне. Никаких Володиных, к сожалению, не осталось. Кое-какие стихи Володи постараюсь припомнить. Отдельные строфы, строки. Обязательно загляну к вам, когда буду в Череповце. Юрия Ивановича Кузнецова я сам расспросил о Володе. Когда-то он, помнится, писал маслом наши портреты. Но они пропали.

Я с 1972 года – офицер запаса. Занимаюсь сценарной работой на телевидении. У меня есть жена – Валентина Александровна. Она заведует библиотекой. Есть дочь Марина, работающая переводчицей с английского. Есть ирландский сеттер Тоби. Очень большой и красивый – под красное дерево. Есть дворняжка Ласка. Тоже симпатичная.

Вот пока и всё. К письму прилагаю свои стихи о Володе, о вас. И ещё – две визитки. Одну для Елены Степановны, другая – для тов. Тиховой. Желаю Вам успехов в учёбе, в поисках.

Всех поздравляю с наступающим праздником – 57 годовщиной Октября. Пишите мне.

Ю. Чистяков

Октябрь 1974 г.

1936 или 1937 гг.

Слева направо: в нижнем ряду Виктор Андреевич (1915 - 1942) и Юрий Андреевич (1918 – 1986) Вальковы – двоюродные братья В. Калачёва; в верхнем ряду Ростислав Александрович (1908 – 1941) и Калерия Александровна (1915 – 2001) Тихомировы - двоюродные брат и сестра В. Калачёва; Владимир Степанович Калачёв (1918 – 1943).

Ю.А. ВАЛЬКОВ,

двоюродный брат и друг юности

В.С. Калачёва, сотрудник райисполкома
г. Бабаево Вологодской области

Сколько лет
Пронеслось надо мною,
Прошумело
Весенним разливом.
Только мне
Не хватает одной
Песни детства
И юности милой.

Почему-то
Они стороной
Проплывают
В туманные дали,
Чуть курлыча,
Над дикой сосной
В пустыре
У зыбучих проталин.

Я стою,
Ожидая весну,
Встречу с юностью,
С другом и братом...
Не дождусь...
В даль рукой полосну
И к деревне
Отправлюсь обратно.

Бабаево, 11.12.1985 г.

* * *

Свежий ветер,
Подуй над околицей,
Пыль сгони
С зеленеющих ив,
Пусть береза
Мне снова поклонится,
Вспоминательно брови смежив.
Может снова
Дорогой квасюнинской
В мыслях я
Пробегу до Шекспри
С пареньками
Промчавшейся юности,
Промелькнувшей
Как добрые сны.

Бабаево, 12.12.1985 г.

К.И. ВАЛЬКОВ,

Двоюродный брат и друг юности
В.С. Калачёва, доктор технических наук,
профессор ЛИСИ, член Петровской
академии наук и искусств, писатель.

* * *

Тихий вечер. Мне ясно слышны
Скрип качелей и смех в саду.
Я один по дорожкам пышным
Потихоньку туда бреду.

Как угрюмы и одиноки
Наши северные сады!
Ранней осенью спят глубоко,
Свесив лапы ветвей седых ...

По вершинам высоких елей
Голоса улетают вдаль,
И всё медленней скрип качелей.
Тихий вечер. Моя печаль.

Череповец, 1939 г.

СТАРЫЕ ПИСЬМА

В старых письмах много скрытой ласки,
Шелест их чуть слышен, прост и вечен.
Корешок их в каждой толстой связке
Жёлтой лапой времени отмечен.

Научись же собирать и прятать
Старых писем жёлтые страницы.
Тот, кто понял их язык невнятный,
Чёрных крыльев смерти не боится.

Если будет день, когда могилу
Предпочтут твоей любви и друг, и брат –
Жёлтые страницы в час унылый
Голоса ушедших заменят.

Ленинград, 1945.

НЕНАСТЬЕ

Покрыто небо мрачной пеленой,
И кажется: навеки так покрыто.
Уже не знать нам участи иной –
Всё сказано, изведано, изжито ...

Вдруг тонкий луч, разрезав мглу, как плоть,
Упал на крест, скользнул на край одежды,
И снова верится, что это сам Господь
На землю посыпает тень надежды.

Ленинград, 2000 г.

Ю.Н. ЧИСТЯКОВ,

друг юности В.С. Калачёва, литератор и
журналист Центрального телевидения.

ПАМЯТИ ДРУГА

Я в силу дружбы верю
И чту такой закон:
Открой пошире двери
Для всех, с кем ты знаком ...
Мы сблизились когда-то,
Как скрипка и смычок;
Мне другом стал и братом
Володя Калачёв.
Не в чайных и не в барах –
В любом пиру тихи, -
Ночами на бульварах
Читали мы стихи.
Мы сочиняли вместе,
Удачей не кичась,
Студенческие песни,
Забытые сейчас.
В тех песнях были строки

Не только про любовь,
Но и про новостройки
Шекспинских берегов ...
Разъехались и снова
Мы встретились, когда
Невиданно сурова
Нагрянула беда.
Ночной Москвой со мною
Шагал к плечу плечо,
Обвенчанный с войною,
Володя Калачёв.
Петлицы с «кубарями»,
Поскольку – лейтенант,
Привычными ремнями
Шинель оплетена ...
Он был в бесстрашных ротах –
Мечтатель и поэт,
В Синявинских болотах
Его не сгинул след.
Годами не состарен,
В сердцах снискал почёт
Череповецкий парень
Володя Калачёв.
И слышатся в округе
По-воински строги,
Упрямые и упруги
Володины шаги,
Когда под свист метельный
Сестра его всплакнёт,
Листая самодельный
Исписанный блокнот,
Когда его простые
Стихи начнут читать
Ребята боевые
Из группы номер 5.

ЧЕРЕПОВЕЦКИЕ УЧИТЕЛИ И УЧАЩИЕСЯ

О ВЛАДИМИРЕ КАЛАЧЁВЕ

Т. Н. ТИХОВА,
учительница ГПТУ № 23 г. Череповца

«Нам другом стал и братом Володя Калачев!»

(Поиск материалов о поэте-фронтовике Владимира Калачеве)

20 лет назад я, молодая учительница литературы, приехав в Череповец, прочитала в газете «Коммунист» статью С. Викулова «Стихи остаются в строю!» В ней рассказывалось о поэте-череповчанине Владимире Степановиче Калачеве. Помню, как поразили меня его стихи и личность самого поэта. В статье также говорилось, что сестра поэта Елена Степановна Калачева принесла в редакцию газеты записную книжечку, на которой было написано: «Действующая армия. 1943 год. «В пути». Владимир Калачев». (Теперь эта записная книжечка лежит у меня на столе: ее Елена Степановна подарила учащимся ГПТУ № 23, которые создают музей В. Калачева.) Помню, как поразили меня строки из стихотворения «Весна»:

Зола да пыль на пепелище,
И жизни, думаешь, конец,
Но как светло, когда засвищет
На старой яблоне скворец.

Здесь был народ, здесь жизнь кипела,
Сейчас – равнина и покой,
Сгорело все, лишь уцелела
Скворешня с яблоней сухой...

И тогда, в 1965 году, я дала себе слово, что разыщу и узнаю об этом удивительном человеке все, что только возможно, а потом приобщу к творчеству В. Калачева своих воспитанников. И вот уже пятнадцать лет мы ведем поиск материалов об этом поэте. Что же нам удалось найти?

Теперь мы знаем, что Владимир Степанович Калачев родился в 1918 году неподалеку от Череповца, на берегу Шексны, в деревне Квасюнино. Затем, после окончания школы, когда семья переехала в Череповец, он поступил учиться в местное педучилище, окончив его, начал работать в школе. Когда Владимиру исполнилось 20 лет,

его призывали в Красную Армию. А дальше – фронт: сначала был рядовым красноармейцем, потом стал лейтенантом, служил адъютантом при штабе армии генерала П.И.Кокарева, позднее был назначен командиром роты. Воевал Владимир на Ленинградском фронте, а через два месяца после его назначения на должность командира роты погиб. Это случилось 25 июля 1943 года под Синявином.

Стихи Володя начал писать рано, но особенно серьезно занялся поэзией в педучилище. В своих стихах он воспевал родные квасюнинские места, реку Шексну, безвестные, малые озера:

В минуты сна, в часы похода,
В любое время ночи, дня
Родная русская природа,
Как исцеленье, для меня...-

писал Володя на фронте, где тоже не расставался с томиками стихов С. Есенина и М. Лермонтова, любил он и А. Блока:

Да еще вот захвачу я
Томик Блока, чтоб в пути,
Вспомнив девушку родную,
Строчки нежные найти.

(«Собери котомку, мама»)

Заполнялись постепенно страницы фронтовой записной книжки, голос поэта креп. Володя понимал, что в любом бою он может погибнуть, и потому написал в своей записной книжке слова Байрона: «Я в бой иду, чтоб завтра жить!»

Когда я впервые познакомила со стихами В.Калачева группу № 5 первого выпуска ГПТУ (1973 году), то учащиеся были удивлены простотой и красотой стиха, поразило их мужество, стойкость молодого поэта-воина.

Мы тогда встретились с родными сестрами поэта Еленой Степановной и Лиdiей Степановной, они подарили нам первые Володины фотографии, листочки с его стихами. Затем мы разыскали школьных друзей, однокурсников по педучилищу Володи, но особенно подружились с его другом юности и двоюродным братом – Юрием Андреевичем Вальковым, который живет в городе Бабаево Вологодской области. Мы несколько раз ездили к Юрию Андреевичу, и он приезжал к нам на вечера, на торжественные линейки, передал в дар школьному музею книги поэтов 30-х годов, книги, которые они читали с Володей Калачевым.

Мы записали рассказ Ю.А. Валькова и часто используем его на вечерах, а однажды эта запись прозвучала и по областному телевидению в передаче «Он не успел стать поэтом». Приведу небольшую часть его рассказа:

«Постижение грамоты мы начали с журнала «Долой неграмотность», который издавался в 20-е годы. «Вилы, грабли, соха, борона да родимая сторона» были первыми стихами, на которых загорелась у нас любовь к литературе и поэзии. Ведущие русские да и европейские классики были прочитаны Володей до 17 лет. Он всегда был с книжкой, за книжкой, в книжке...»

Как-то на фронте В. Калачев встретился с поэтом Вс. Рождественским и написал ему:

Как-нибудь, узнав сторонкой,
Если можешь от души,
Обо мне литых и звонких
Пару строчек напиши.

Мы получили несколько писем от Вс. Рождественского. Есть у нас письмо и от поэта Л. Мартынова. Вот отрывок из одного из последних его писем, адресованных нам: «Письма Владимира Калачева настолько интересны, значительны по содержанию, по передаче общего настроения тех незабываемых дней, что хотелось бы дать им вторую жизнь на страницах нашей печати – ради его светлой памяти и в поучение молодежи, имеющей в настоящее время его тогдашний возраст».

Юные краеведы первого выпуска ГПТУ ездили в Ленинград на торжественную встречу ветеранов 11-й стрелковой дивизии, подружились со следопытами из Синявинской школы, побывали в ленинградской школе № 458, где есть музей 2-й Ударной армии, узнали новые адреса ветеранов 11-й стрелковой дивизии, написали потом им письма.

Участники поиска материалов о В. Калачеве выступили в нашем краеведческом музее, передали некоторые материалы в Государственный архив.

Начиная поиск, мы и не думали, что узнаем о Володе Калачеве так много нового, познакомимся с интересными людьми, знавшими Володю, подружимся с ними.

Один из таких наших друзей – Юрий Никанорович Чистяков, поэт-сатирик и журналист, живет в Москве. С ним В. Калачев познакомился и подружился в 1937 году, когда Ю. Чистяков жил в Череповце. Они учились в школе №1, оба увлекались поэзией.

О Володе Юрий Никанорович нам написал: «Он был прирожденным лириком, любил не себя в стихах, а стихи в себе. Только и такие становятся художниками слова». В

память о дружбе Ю. Н. Чистяков написал стихотворение «Памяти друга». А несколько строк он посвятил ребятам, ведущим поиск о В. Калачеве.

И слышатся в округе
По-воински строги
Упрямы и упруги
Володины шаги.
Когда под свист метельный
Сестра его всплакнет,
Листая самодельный,
Исписанный блокнот,
Когда его простые
Стихи начнут читать
Ребята боевые
Из группы номер пять.

Изменились «ребята боевые»: они стали строже к себе, улучшилась дисциплина в группе, стали бороться за звание группы имени В. С. Калачева. Ребята-калачевцы неоднократно становились победителями социалистического соревнования, были награждены Почетными грамотами, стали победителями конкурсных сочинений, заняли второе место в соревновании среди «орлят», награждены (за первое место в поиске) поездкой в Ленинград.

Прошли годы... Новое поколение калачевцев, продолжив поиск, собрало так много материала о поэте В. Калачеве, что к 40-летию Великой Победы в училище был создан второй зал литературного музея – памяти В. С. Калачева – поэта-воина (первый зал музея посвящен А. С. Пушкину и открыт в 1977 году).

«Нам другом стал и братом Володя Калачев!» - под таким девизом ведут поиск ребята из группы № 80. мы провели с ребятами несколько бесед о «нашем» поэте, поскольку мы теперь располагаем интересным материалом: «Он не успел стать поэтом», «Письма с фронта», «Друзья юности», «Калачев - педагог», «Калачев - поэт-лирик», «Последний день из жизни лейтенанта Калачева» и др.

Особенно оживилась поисковая работа в связи с созданием музея в 1984/85 учебном году. В сентябре мы побывали на родине Володи – в деревне Квасюнино, прошлись по тем улочкам села, где когда-то бегал он. Побывали на берегу Шексны – и словно ожили строки из стихотворения Калачева:

С узелком на берег вышел:
Тихий вечер на Шексне...

Оглянусь – родные крыши
Проплывают в тишине.
Станут памятью последней
На песке мои следы...
Над уснувшую деревней –
Зазвеневшие лады...

Ребята познакомились с историей села Квасюнино, записали рассказы одноклассников Володи, привезли предметы быта из Квасюнина – экспонаты будущего музея.

Из Ленинграда мы получили книгу Б. Левина «Восемь сосен», стихи в этой книге навеяны впечатлениями от посещения Синявинских высот, эти стихи учащиеся читали на вечере, посвященном фронтовой лирике В. Калачева. Около тридцати книг прислал в дар музею родной брат Володи – Николай Степанович Калачев из Иваново. Более сорока лет он бережно хранил книги из библиотеки брата, во многих книгах есть пометы, сделанные рукой Володи, книги эти свидетельствуют о широте его интересов: здесь и «Слово о полку Игореве», книги А. Пушкина, М. Лермонтова, А. Прокофьева, П. Антокольского, И. Молчанова, и других русских и советских поэтов. Николай Степанович отправил нам с книгами и письмо, где есть такие строки: «Отправляю я вам небольшую посылку с книгами Володи. В этой посылке все, что имеется у меня! Почти на каждой книге автограф Володи. Томики стихов советских поэтов 30-х годов в настоящее время являются библиографической редкостью и представляют большую ценность... эти книги для меня и моей семьи очень дороги как память, но для музея Володи я не жалею ничего...». И, наконец, экспонатами для музея помогла нам его родная сестра Елена Степановна, она прислала нам очень ценные материалы: кроме записной книжки 1940 года, здесь и книга И. Молчанова «Я иду по России», и фото поэта с его дарственной надписью: «В. С. Калачеву. Читателю – от писателя. С приветом Иван Молчанов. 1937 год». Книга А. Прокофьева «В защиту влюбленных» - тоже с автографом: «В. С. Калачеву. Может быть, тут и вас я защищаю. А. Прокофьев. 18/11-43 г. Ладога. Война». Кроме того, Елена Степановна прислала письма Володи к брату Николаю из действующей армии, письма поэта Вс. Рождественского и П. Антокольского, личные вещи Володи и редкие фотографии. На одной из них – Володя, учитель на уроке в ликбезе при школе №4 Череповца. Эти редкие материалы мы использовали на вечерах поэзии Калачева, а также на вечере, посвященном 40-летию Победы.

Интересной и волнующей была встреча с Ф. Г. Смирновым – летописцем 11-й стрелковой дивизии, в составе которой воевал В. Калачев. Федор Григорьевич показал

нам карту боев на Синявинских высотах, рассказал нам о героическом пути 11-й стрелковой дивизии, которой было присвоено название «Валгинская», подарил нам свою книгу «11-я стрелковая Валгинская дивизия», показал нам большой альбом, где собраны материалы и фотографии более чем о пятистах участниках этой героической дивизии.

В Москве мы встретились с бывшим ответственным редактором газеты «Отважный воин», которая издавалась на Ленинградском фронте, с В. А. Кузнецовым. Виктор Александрович рассказал нам, как встречался с Володей в редакции газеты, как взыскательно и требовательно относился Калачев к своим стихам, а они уже тогда во фронтовой газете старались как-то выделить его стихи, обратить на них внимание тех, кто держал в руках газету. С тех пор прошло более сорока лет, но В. А. Кузнецов в своем домашнем архиве до сих пор хранит пожелтевшие от времени листочки бумаги, на которых написаны стихи рукой Володи. Таких листочек у Кузнецова семь, он нам подарил пока один. Подарил также книгу «2-я Ударная армия в боях за Ленинград», где есть и его статья.

А в ноябре 1984 года девочки из группы № 80 ездили в Кировск и на Синявинские высоты: там в одном из училищ г. Кировска есть музей, посвященный 2-ой Ударной армии, оттуда они привезли некоторые военные реликвии и гильзу со священной синявинской землей из тех мест, где В. Калачев воевал и погиб.

Эпиграфом для своих фронтовых стихов В. Калачев выбрал строки Байрона: «Я в бой иду, чтоб завтра жить!» И вот Владимир Калачев жив в нашей памяти как человек, учитель, поэт и воин.

Череповец, 1987 г.

М.Н. ФЕДЯНОВА,
учительница школы № 26 г. Череповца.

ПО СЛЕДАМ ПОЭТА И ВОИНА

Хочу, чтоб в близких и далёких

Осталась память обо мне

B. Калачёв

Ребята школы № 26 г. Череповца ведут многолетний поиск материалов о В.С. Калачёве, череповецком поэте, учителе, воине, погибшем в боях за Ленинград в июле 1943 года.

Следует отметить, коллектив школы под руководством молодого перспективного директора Татьяны Борисовны Вячеславовой добивается не только хороших результатов в обучении и воспитании детей, но и обращает серьёзное внимание на краеведческую работу, воспитание чувства патриотизма и гражданственности.

Сбор и изучение материалов о Владимире Калачёве занимает у наших учеников особое место, потому что они – калачёвцы. А собрано за 26 лет (с 1980 по 2006) моей работы в этой школе немало: стихи поэта, его письма с фронта, письма-воспоминания его родственников из Череповца, Вологды, Иванова, Бабаева, Ленинграда.

Учащимся нравятся юношеские стихи Владимира Калачёва. Они любят слушать, когда я читаю им его фронтовые письма, воспоминания родственников. Всё это помогает им воссоздать образ мужественного воина, патриота, одарённого человека, Учителя.

В восьмидесятые годы ученики нашей школы переписывались с друзьями и родственниками Калачёва: с другом юности Ю.Н. Чистяковым, работником центрального телевидения, с родными сёстрами – Еленой Степановной и Лидией Степановной, с родным братом – Николаем Степановичем, с другом и двоюродным братом – Юрием Андреевичем Вальковым, с двоюродной сестрой – Ольгой Андреевной Вальковой.

Очень любили мои ученики сестру Владимира – Елену Степановну Калачёву. До последних дней своей жизни она была другом нашей школы, передала в школьный музей ценные материалы о своём брате. А познакомилась я с ней ещё ранее – в 1976 году, когда работала в школе-интернате №2. Она не жалела личного времени, чтобы пообщаться с ребятами, которые воспитывались без родителей и, конечно, нуждались во внимании.

Многочисленные друзья, появившиеся у ребят школы № 26 в результате их краеведческой работы, оказались интересными людьми, обогатившими духовный мир детей. Так, в 1985 году мы получали письма из Донецка от Бориса Яковлевича

Кравченко, который воевал с В.С. Калачёвым в одной дивизии. Ниже привожу его первое письмо.

Здравствуйте, мои юные друзья!

С большим волнением прочёл Ваше обращение в газете и увидел фото Владимира Калачёва. Наши боевые пути-дороги сошлись в 163 СП 11 с.д.

Я сам ленинградец. 1 июля 1941г. добровольно пошёл на фронт. Участвовал в боях под Ленинградом. Был ранен легко. Потом в Панфиловской дивизии воевал в конце 1941 под Москвой. Затем учился в Черкасском пехотном училище и в 1942 году попал в 11 дивизию на Волховский фронт. Будучи связистом-телефонистом, поддерживал связь 1 батальона с КП полка.

Часто виделся с командиром 1 роты В.С. Калачёвым, большим уважением он пользовался как у бойцов, так и у командиров.

Жаль, недолго мне пришлось повоевать в полку. Ранило меня в 1943 г. Затем после лечения с боями дошёл до Германии.

Вы, дорогие юные друзья, делаете большое дело – не даёте забыть будущим поколениям о своих героях, среди которых и был славный командир роты Владимир Степанович Калачёв.

Буду рад от Вас получить письмо. Заодно у меня к Вам вопрос: есть ли совет ветеранов 11 дивизии. Если есть – напишите мне его адрес.

С большим уважением,

Бывший воин 11с.д.

Кравченко Б.Я.

Вот такие письма мы получали от фронтовиков.

Интересными и поучительными были и письма от родственников. Несколько лет назад, в 1998 г., наши ученики написали письмо в Санкт-Петербург двоюродному брату В. Калачёва - Кириллу Ивановичу Валькову, с которым был дружен Владимир в юности. Он родился в семье педагогов – Наталии Николаевны и Ивана Феофановича Вальковых. Мать Наталии Николаевны – Наталия Петровна Астахова вела свою родословную от Ганнибалов и, следовательно, была родственницей А.С. Пушкина. Ныне К.И. Вальков – доктор технических наук, профессор, член Петровской академии наук и искусств.

Наши ученики получили от Кирилла Ивановича ответ, в котором он выражает заботу о будущем поколении. Он пишет:

Дорогие друзья!

На Вашу долю выпало особенно трудное время. Для того, чтобы хранить и оберегать заветы отцов и братьев, нужно самим научиться твёрдо стоять на ногах, иметь светлую цель впереди и ни при каких обстоятельствах не вовлекаться в тот поток пошлости, скудоумия и грязи, которые обрушивает на вас современный мир.

Держитесь и работайте над собой.

Не теряйте надежды и веры.

Доктор технических наук, профессор К.И. Вальков.

Санкт-Петербург, 1999 г.

Вслед за нашими учениками приобщались к краеведческой работе и некоторые родители. Следует сказать слова благодарности председателям родительского комитета Скляр Галине Анатольевне и Гараниной Алефтине Николаевне (выпуск 9-х классов 1983 и 1988 годов), которые принимали активное участие в поиске новых материалов о жизни В.С. Калачёва. Они писали запросы в архивы, в Синявинский сельсовет, в Ленинград, в Военно-медицинский музей МО СССР.

В год сорокалетия со дня смерти В.С. Калачёва, то есть в 1983 году, ребята совершили поход на места его гибели. Ниже приводится рассказ-отчёт об этом походе нашей ученицы Наташи Гончаровой.

Маршрут похода: Череповец – Синявино 1 - Синявинские высоты - Кировск - Ленинград - Череповец.

Список участников похода: Мелетичев Л., Землянкина Н., Максимова Л., Ведерников В., Андреев К., Устьян И., Рябова А., Гончарова Н., Тихомирова Л., Демидова М., Гладышева Н., Мелентьев И.

Описание маршрута.

1-й день. На рейсовом автобусе по ленинградской дороге отряд доехал до посёлка Синявино 1. В посёлке была организована встреча с комиссаром партизанского отряда Дубовиковым Анисимом Ивановичем и с краеведом Соколовой Зинаидой Максимовной. Вот что она нам рассказала о боях на участке фронта, который проходил в этих местах.

На Синявинских болотах добывали торф пленные чехи в 1919 году. Тогда и стали строиться первые посёлки для жилья. К 1941 году их насчитывалось девять. С.М. Киров основал здесь первое торфопредприятие. За годы войны не осталось ни одного дома от девяти посёлков. Немцы с самолётов на бреющем полёте расстреливали людей. Был очень узкий фронт – 14 км. Всё горело, дым ел глаза, машины тонули в торфяных болотах, вся

земля была полита кровью. В таких трудных условиях русский народ не только выстоял, но и победил!

2-й день. Пеший поход по местам боёв. В 6 часов утра отряд отправился на Синявинские высоты (15 км). Затем через молочный комплекс прошли до Кировска. В Кировске посетили музей боевой славы в школе-интернате, познакомились с материалами поиска, с экспонатами музея. Калачёвцами собран большой материал об участниках боёв на Невском пятаке, на Синявинских высотах. Из Кировска автобусом отряд уехал в Ленинград.

3-й день. В Ленинграде состоялась встреча с участниками блокады Ленинграда супругами Пожарищенскими. Затем ребята посетили Эрмитаж. Вечером поездом уехали в Череповец.

Наташа Гончарова, 1983 г.

В начале октября 1988 года наши ребята совершили экскурсию на место прорыва Ленинградской блокады в районе Синявино - Петрокрепость. Ниже приводится рассказ об этой поездке Петуховой Светы.

Родник Благодарения

Мы побывали на месте встречи двух фронтов – Волховского и Ленинградского, видели Синявинские болота, поднялись на Синявинские высоты.

Здесь в 1942-1943 гг. укрепились немцы. До сих пор сохранились их укрытия. А внизу, под высотами, в болотах, в мелколесье, держали оборону наши воины. Враги поливали их огнём из миномётов, расстреливали с самолётов. Тонули в болоте техника и живые люди.

В этих трудных условиях советские воины, среди которых было много наших земляков, выстояли и победили. Но какой ценой?!

В январе 1943 г. здесь во время прорыва блокады погибло (по неполным данным) 180 тысяч советских солдат и офицеров. Потери противника исчисляются в пределах 17 тысяч.

Наш святой долг – знать всё о тех, кто “пробирался болотами, горло ломая врагу”. Среди них был и В.С. Калачёв. Поиск материалов о нём привёл нас вторично в эти места.

Уходят из жизни ветераны. Мало остаётся очевидцев тех незабываемых дней. Благодарные потомки создали на месте прорыва блокады музей-диораму. Здесь запечатлен бессмертный подвиг защитников Ленинграда.

В глубоком молчании слушали мы рассказ экскурсовода о неравной схватке с гитлеровцами в январе 1943 г. Наши сердца наполнились глубокой благодарностью к тем, кто “себя не пожалел, а Родину сберёг”.

О них хорошо сказала поэтесса Пчелинцева:

Течёт родник на дне оврага,
Как слёзы вдов и матерей
О тех, чья доблесть и отвага
Вернули счастье мирных дней.
Героям павшим нет забвенья,
Их подвиг вечен и велик.
Журчит родник Благодаренья,
Священной памяти родник.

Эти слова мы прочли у родника Благодаренья на дне оврага, под главной высотой.

Петухова Света

В нашей школе есть свой краеведческий музей, в котором хранятся собранные нашими учениками материалы о поэте и воине Владимире Калачёве. Поиск продолжается.

В.С. КАЛАЧЁВ

Я не приду на праздник людный
В весеннем свисте ветровом.
В тоске по молодости чудной
Хочу вернуться в отчий дом.

Хочу я дальними полями
Идти, не знаю сам куда,
Чтобы струились под ногами
Узоры росного следа.

Идти бы без пути, без края
В медовопахнущих полях,
Сказанья злаков собирая,
Нести в душе, нести в словах.

В конце скитаний из поля
Цвет васильков беречь в себе.
Идти бы с песнею весёлой
К своей бревенчатой избе.
<...>

Конец бродяжеств одиноких
Настанет в дальней стороне ...
Хочу, чтоб в близких и далёких
Осталась память обо мне.

Череповец, 1937 г.

Л.Г. КАЛАЧЁВА (ЯЦКЕВИЧ)

РАДОНИЦА

Майским утром, светлым и лучистым,
Радоницы день в краях Российских.
Встану перед ликами святыми,
Помяну родных, ушедших близких.

Шелест их имён чуть слышен, вечен ...
Ни одно из них не канет в Лету –
Все у Бога живы. И беспечен,
Кто отверг живую тайну эту.

После смерти голоса ушедших
Селятся в душе моей, как в келье,
И напоминают о молитве –
Просят о насущной, как о хлебе ...

В век двадцатый, лживый и жестокий,
Их обманывали и губили.
Но не погубить души высокой –
Русь, Отечество они любили!

И живая радость Воскресенья
Вдруг очистит душу покаяньем.
И появится надежда на Спасенье,
Мир наполнится покоем и сияньем.

И когда уйду я в невозвратность –
Утишай шум в житейской битве,
Пусть в душе родной засветит радость
Голос мой, напомнив о молитве.

Майским утром, светлым и лучистым,
Радоницы день в краях Российских.
Встанем перед ликами святыми
И помянем всех ушедших близких.

Вологда, 10 мая 2005 г. Радоница.

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ СТИХОВ И ПИСЕМ В.С. КАЛАЧЁВА, А ТАКЖЕ СТАТЕЙ О НЁМ

(в хронологической последовательности)

- Кружков Н. Командир и адъютант // Газета «Красная Звезда» от 2 апреля 1943 г.
- Письмо Н. Асеева (адресованное В.С. Калачёву) / Публикация Л.Г. Калачёвой, вступительная заметка А. Смородина // Русская литература. - № 2, 1964
- Викулов В. Стихи остаются в строю // Газета «Коммунист» от 20 марта 1965 г.
- Он не успел стать поэтом / Подборка писем и стихов В.С. Калачёва // Газета «Вологодский Комсомолец» от 12 декабря 1971 г.
- Макушин Р. Письма с фронта // Газета «Красная Звезда» от 7 мая 1972 г.
- Тихова Т.Н. Стихи остаются в строю // Газета «Вологодский Комсомолец» от 11 сентября 1974 г.
- Викулов В. Стихи остаются в строю // Газета «Коммунист» от 31 декабря 1974 г.
- Мелков Л. Стихи остаются жить // Газета «Красный Север» от 24 апреля 1975 г.
- Малков В. Строки, опалённые огнём // Север - № 6. – 1981.
- Малков В. Поэтическая исповедь солдата // Малков В. Голоса сурового времени. – Архангельск, 1982. – С. 140-148.
- Тихова Т.Н «Нам другом стал и братом Володя Калачёв» // Газета «Коммунист» от 25 марта 1983 г.
- Тихова Т.Н. «Я в бой иду, чтоб завтра жить...» // Газета «Красный Север» от 28 февраля 1985 г.
- Тихова Т.Н. Калачёвцы // Газета «Ударная стройка» от марта 1985 г.
- Глущенко Ю. Учитель, поэт, воин // Газета «Советский патриот» от 24 ноября 1985 г.
- Тихова Т.Н. «Нам другом стал и братом Володя Калачёв» // Литература в школе. - № 2. _ 1987.
- Бараков В.Н. Владимир Калачёв: Стихи и письма // Череповец. Краеведческий альманах. Вып. 2. – Вологда, 1999.
- Калачёва Л.Г. (Яцкевич) Воскресенье на Шекспре // Калачёва Л.Г. Вологодская нива. – Вологда, 2004.
- Калачёва Л.Г. (Яцкевич) Воскресение на Шекспре // Газета «Вера» , № 502, Сыктывкар, 2005, с.18-19.
- Калачёва Л.Г. (Яцкевич). «Новый с поля поэт....» О поэте Владимире Калачёве // Вологодский лад. – 2007. - № 2.